

Наталья Салсонова

**ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ОТБОРА?**

Наталья Андреевна Самсонова

Есть ли жизнь после отбора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68467528

SelfPub; 2022

Аннотация

Баронство требует все мое время, и всю мою магию. Но утраченная в столице сила ко мне еще не вернулась, а время... Времени мне катастрофически не хватает – слишком много старых тайн открылось. Слишком много новостей из столицы пришло. И куда, побери его грамлы, подевался Кристоф?!

Содержание

Глава 1	4
Глава	13
Глава 3	28
Глава 4	55
Глава 5	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Наталья Самсонова

Есть ли жизнь после отбора

Глава 1

Царившую в доме мастера Дейтора тишину разбивали лишь шумные вздохи Гамильтона да шорох туфелек тетушки Тарии. Она все никак не могла понять, отчего я решила жить здесь, ведь: «Немыслимо же постоянно находиться в этом склепе, леди Мина».

Вот и сейчас она принесла целую охапку цветов и спешила расставить вазы по всему дому, пока охранка не погнала ее вон. Последнему я никак не могла помешать: моя магия так и не вернулась. Потому и Тина с Мароном не смогли поселиться со мной. Только Гамильтону было вольготно: слишком уж тесно мы связаны!

На самом деле дом мастера Дейтора встретил меня как родную, хоть я и была уверена, что не смогу войти.

Но... Быть может, для таких, как я, потеря магии – норма? И именно поэтому проснулась вторая охранная линия, которая и выдворяет из дома всех, даже самых желанных гостей? Мы с Гамильтоном засекали: Тина может просидеть в гостях не больше сорока минут, Марон – только двадцать. И лишь тетушка Тария остается почти на два часа.

Ш-ш-шурх-х!

Вздвогнув, я чуть не уронила нитку с каменными цветами. Бросив украшение на стол, я покосилась на улицу. За окном бушевала сухая гроза, и... это пробуждало неприятные, болезненные воспоминания.

Наша сухая гроза сильно отличается от Иль-Доратанской. Там во всем виновата высокая температура и низкая влажность воздуха – это если верить магам погоды, конечно.

У нас же это Слезы Матерей-Мучениц, предвестник каскада прорывов. Взбесившиеся потоки магии сносят дождевые капли далеко в сторону. Так далеко, что где-то на востоке сейчас идет ливень без единой дождевой тучи!

«Интересно, что сейчас делают ребята? Слушают рассказы новых знакомых или зачарованно смотрят в окно?» – пронеслось у меня в голове.

Хотя... Тина поселилась у целителей и леди Айрис, наша главная врачевательница пообещала ей столько практики, сколько та сможет в руках удержать. А Марон просился в отряд, и, пока я хватала ртом воздух, пытаюсь найти правильные слова, дядька Митар отправил его в учебный лагерь. Ибо: «Граница и так завалена трупами, не добавляй себя к этой, бесспорно, славной компании».

– Ты долго будешь смотреть на них? – Когда нужно, тетушка может быть пугающе бесшумной.

Смахнув со стола шнурок с окаменевшими цветами, я повернулась к ней.

– Не долго. А ты мог бы предупредить меня.

Это я уже сказала Гамильтону, который развалился на прогибающейся под его весом софе. Софе, которую мне пришлось без магии затаскивать в рабочий кабинет мастера Дейтора. Вернее, теперь уже в мой рабочий кабинет.

– Подарок? – удивилась тетушка. – Ты крутишь его в руках последние несколько дней, а могла бы заплетать в косу. Красиво было бы.

Она поставила на стол принесенный поднос и принялась разливать чай. Гамильтон, узнав, что к чаю только чай, присоединиться к нам отказался. Я и сама не очень хотела, но... Почему бы и нет?

– Мне неприятно использовать его, – задвинув выдвижной ящичек, в который бросила украшение, я принудила себя улыбнуться, – это компенсация. И она немного горчит. М-м-м, превосходный букет.

Гамильтон душераздирающе зевнул и повернулся на другой бок. Софа подозрительно заскрипела, и я, представив, как тащу тот огромный диван из гостиной, поежилась. Пусть эта несчастная мебельюшка продержится до момента, пока ко мне не вернется магия!

– Вы не думаете, миледи, что у него были какие-то важные причины, чтобы убрать вас с Отбора?

Тетушка так и не определилась, обращаться ли ко мне как к баронессе или же как к девочке, выросшей на ее глазах. На людях она теперь величала меня исключительно «леди

Мина», а вот наедине путалась.

Вот и сейчас, пододвинув неудобный массивный стул к рабочему столу, она то обращалась ко мне как раньше, то начинала величать меня «миледи».

– Я уверена, что они у него были, – спокойно сказала я. – Больше того, была как минимум одна причина: я не полноценная участница, а всего лишь часть традиции. Вот только он должен был сказать мне заранее. Предупредить.

Тетушка посмотрела на меня как на дурочку.

– Правитель должен был предупредить одну из крылатых невест?

– Нет, – я покачала головой, – Кристоф должен был предупредить Вильгельмину.

Гамильтон душераздирающе вздохнул, поерзал и, повторив свой театральный вздох, уменьшился в размерах.

«Кажется, софа все-таки проживет еще немного», – хмыкнула я про себя.

А тетушка, воспользовавшись тем, что освободилось немного места, тут же пересела и хитро на меня посмотрела:

– Значит, тебе не интересны последние новости?

За окном громыхнуло. Резко обернувшись, я увидела, как мимо пролетел чей-то головной убор с большим и ярким пером, а затем охранка зафиксировала ловчую сеть. Увы, что упало на мое подворье, уже никакими чарами назад не приманится.

– Отбор еще не закончился, – наконец проронила я. – Ка-

кие там могут быть новости? Рейтинг невест?

– Не закончился, – согласилась тетушка. – Да только жених остался только один.

Вздрогнув, я ошеломленно посмотрела на нее:

– Кто?!

– Бастард, Кристоф Ландеберт Рентийский добровольно сложил с себя полномочия. Чего замерла? Ты чаёк-то пей, а то остынет.

За окном вновь гроыхнуло, но я не стала оборачиваться и смотреть, не принес ли ветер еще что-нибудь условно бесполезное.

– Он ведь сказал, что не отдаст страну, – прошептала я и подхватила чашку. – Как же так?

– А разве он отдал? – прищурилась тетушка Тария и пододвинула ко мне вазочку с печеньем. – Сложенные полномочия можно и поднять. А вот если Совет Крылатых откажет в доверии – это уже навсегда.

– Я ни разу не слышала о том, чтобы Правитель складывал полномочия, а после поднимал их назад, – призналась я.

– И я не слышала, – кивнула тетушка, – а вот супруг мой слышал. Точнее, изучал. Все-таки историю нашей страны мы толком и не изучаем.

– Потому что изучать нечего, – вздохнула, – учебников-то нет. Только старые мемуары, а там больше про интриги.

– И про то, кто кого и как, – фыркнул с софы Гамильтон. – Но про сложение полномочий я помню. А почему? А потому

что это был тот же самый человек, который заложил основание самой первой магической школе. Даже не Академии, а именно школе. Тогда весь Песий Мир с интересом за вами наблюдал. Хотя я еще даже не спел тогда свою первую песню, поэтому не помню, чем дело кончилось.

– Первая школа была открыта в столице, на ее месте теперь наша Академия, – прошептала я. – Помню, что маги сильно сопротивлялись школе, им больше нравилась система единоличного наставничества.

– Конечно, нравилась, – фыркнула тетушка Тария, – когда на одного мастера до пятнадцати бесправных мажат, с которыми можно делать абсолютно все, что захочется. Доходило до того, что некоторые себе гарем собирали!

Я поежилась и лишний раз порадовалась, что с наставничеством покончено раз и навсегда! Хотя и сейчас находятся те, кто идут в личное ученичество, но законы нашей страны сильно урезали власть мастера над учеником.

– На наше счастье, – продолжила тетушка, – Правитель Сеартес прославился именно созданием первой школы и написанием первого колдовского учебника. А момент, где он отрекался от престола, постарались скрыть. Так что...

– Почему на счастье? – нахмурилась я. – Наоборот, это не очень-то хорошо. Как Кристоф вернет себе власть, если никто не...

– Ему бы не дали публично отречься, – тетушка перебила меня так же, как я ее. – Если бы об этом помнили, ему бы

никто не позволил отречься публично, да еще и текст в текст с речью Сеартеса. Готова поспорить, что через неделю-вторую выйдет статья о Сеартесе и его учебнике. А там уж и до отречения дойдет.

– А отрекался он ради того, чтобы продавить Совет, – я пыталась выскрести из себя хоть что-то о Сеартесе.

Но все, что мне удалось вспомнить, – это поход в Маго-Механический Музей. Я тогда знатно повздорила на входе: Гамильтона не хотели пропускать. Ему пришлось встать во весь рост и грозно спросить: «Кто тут против Песьего Мира?!» Только после этого нам позволили войти.

А за то время, что мы ругались, группа уже прослушала информацию о Сеартесе, так что я запомнила только стеклянный куб с парящим в нем учебником. Он рассыпался на части, но магия не только удерживала его от окончательного разрушения, но и позволяла полистать страницы. Тогда я заметила только то, что учебник архаичен, нелогичен и непонятен. Нет перехода от простого к сложному, нет четкого деления по направлениям магии. Но для первого в мире учебника – очень достойно.

– И сработало это потому, что второй претендент на престол сидел на чихрановом жмыхе, – продолжала меж тем тетушка Тария, – и был тем, кого Совет сместил за утрату доверия.

Тут до меня и дошла вся красота задумки предка Кристофа.

– И Совет встал перед непростым выбором – вернуть власть Сеартесу и позволить ему основать школу либо же... Да не было у них на самом деле выбора. А сейчас, если что, они смогут короновать бастарда, а после убрать его так же через утрату доверия.

– Ну, про «сейчас» нам гадать бессмысленно, – тетушка взмахом руки подогрела мой остывший чай, – но история Сеартеса греет душу. Ох.

– Тетушка? – Я обеспокоенно подалась вперед.

– Мне пора, – она нервно оправила одежду, – дом давит. Когда же ты возьмешь его под контроль?

– Скоро, уже скоро.

Я никому не сказала о своем магическом бессилии. И о том, что в этот раз совсем не чувствую шевеления силы. И... И я не могу, просто не могу войти в свой замок. Хотя, имея поддержку людей и грамоту из столицы, могла бы занять место отца.

«Как же все не вовремя!»

И, будто вторя моим мыслям, за окном вновь знатно гроыхнуло. Гроыхнуло и посветлело – значит, тетушка спокойно доберется до дома. Значит, скоро я поведу свой отряд за крепостную стену. Без магии. Без особых запасов в амулетах. Без клинка, что сокрыт в Безвременье.

– Зато со мной, – зевнул Гамильтон, – и с клинком, который не закончил мастер Дейтор. Он уже может уничтожать тварей мертвого мира, ну а что красотостей нет... Они и ни

к чему.

Глава

2

Я проснулась на рассвете. И это не было ни моим желанием, ни осознанным выбором. Из темных сонных глубин меня вырвала резкая боль и пришедший за ней холод. Холод, замерший на самых кончиках пальцев.

Резко сев, я принялась растирать ладони, согревать руки своим дыханием, но ничего не помогло.

– Рано, – вздохнул Гамильтон и потянулся, сбрасывая с себя сон. – Завтрак?

– У меня пальцы холодные, – потерянно сказала я.

– У меня нос. Или для человека это ненормально?

Он подошел ближе, обнюхал мои руки, лизнул, а после задумчиво произнес:

– По ощущениям – все как вчера.

Вздохнув, я ничего не ответила. Встала, набросила на себя халат и, туго затянув широкий пояс, побрела вниз, на кухню.

Затеплить малую печь, вскипятить чайник, собрать на стол – все это много времени не занимает. Как и поиски посуды – вон она вся, в навесных шкафах.

Вот только толстостенная глиняная чашка, хоть и прекрасно сохраняет напиток горячим, все равно не согревает мои руки.

Обратиться в дом исцеления? Немыслимо: еще не хвата-

ло, чтобы пошли слухи о моих проблемах. Только не сейчас. Только не тогда, когда камеристка леди Фоули-Штоттен-старшей только за это утро дважды прошла по границе охранки!

«Разберусь. Обязательно со всем разберусь», – успокоила я себя.

И, оставив бесполезный чай остывать на столе, направилась в подвал. Свой отряд мне собрать не удалось: не хватило времени. Когда начнутся беспорядочные разрывы и к нам ползут «добрые соседи», я возглавлю отряд дядьки Митара. Но! Возглавлю я его исключительно формально, что, однако же, не позволит мне остаться в стороне.

«Нужно что-то решить с замком, занять место отца не только полуреально, но и формально. А еще отладить старые торговые договоры – чтобы провиант поступал из пяти, а лучше шести источников. И начать собирать свой собственный отряд: окраинная баронесса не может вышивать у окна в ожидании благоприятных вестей. И все это нужно сделать одновременно и желательно позавчера».

В подвале стояли мои сундуки. Старые, привезенные из столицы, и мой девичий сундук. Тот самый, который и самой страшно открывать. Дядька Митар все-таки забрал его, хоть и не смог привезти в столицу. Зато позавчера его ребята доставили его сюда, в подвал.

Первое прикосновение к сундуку окончилось неудачей и маленькой ссадиной на указательном пальце. Тихо ругнув-

шись, я недобрым словом вспомнила себя-прошлую, которая, скатившись в позорную истерику, применила к сундуку все возможные чары. И он, и без того надёжно зачарованный, превратился в это чудовище.

Вторая попытка окончилась ссадиной на лбу: сундук подпрыгнул, я дернулась и...

– Да будь ты проклят, мерзавец!

Сундук открылся.

Точно! Я же тогда проклинала любовника леди Фоули-Штоттен – вот эта фраза, видимо, и закрепилась как пароль.

Опустошив сундук, я решительно захлопнула крышку, затем, положив на нее ладонь, властно произнесла:

– Да будь ты проклят, мерзавец.

Сундук издевательски дрогнул, но не открылся. Что ж, хорошо, что я вытащила из него вещи.

Первым делом я достала подаренные отцом серьги: в них хранился оч-чень неплохой заряд колдовской силы. Как и в колье, но оно было слишком вычурным, чтобы носить его просто так.

А затем чуть подрагивающими руками взяла увесистую кожаную сумку. Тоже подарок, но не от отца.

Сорок один наконечник для стрел из льдистой окраинной стали. Могло хватить на полноценный клинок, но мастер к тому моменту уже сильно ослаб. Сейчас, будучи взрослой, я понимаю: он знал, что умирает. Знал и все равно стремился

позаботиться обо всех нас. Не будучи в силах создавать новые клинки, он сотворял арбалетные болты и наконечники для стрел. Снова и снова, до кровавого пота, до...

– Ни один не пропадет даром, – коротко выдохнула я. – Особенно сейчас.

Здесь, дома, можно легко забыть о том, что проклятый клинок обрел свободу. Но...

По спине скользнуло холодком: кто-то незнакомый переступил через охранную сеть.

– У нас гости, – рыкнул Гамильтон. – Судя по обилию кружева и оборок – леди Тарлиона Фоули-Штоттен-старшая.

Вот ведь... Нормальные люди еще спят!

«Так и верно, нормальные – спят. И никто не увидит, что она пришла к той, с которой клялась не разговаривать».

Зачерпнув силу из сережек, я чуть подправила охранку, чтобы леди Тарлиона не могла войти в дом, пока я сама не открою дверь.

Освежающие чары на лицо, волосы в простую косу. И вместо ночной рубашки и халата – тот самый наряд, который отныне заменит все мои платья. Тугой корсет, обтянутый фиолетовой кожей, черное шитье с опаловыми чешуйками. Кипенно-белая рубашка и узкие черные брюки. От корсета вниз спускается темно-фиолетовая ткань, она закрывает брючные пуговицы и тяжелыми складками расходится в стороны, достигая пола только за спиной.

Потянув за одну из чешуек, я открываю петельку для уз-

кого и длинного фиала. Таких особенных чешуек – десять. Собственно, фиалов тоже десять.

Пристегнув к бедру узкий клинок, я столкнулась взглядом с Гамильтоном, и мой компаньон недоуменно уточнил:

– Ты с ней драться собираешься?

– Не в прямом смысле, мой хороший, не в прямом смысле.

«Однако же одежда, правильно и со смыслом подобранная, говорит о своем владельце едва ли не больше, чем он сам может сказать».

Но... Но, подходя к входным дверям, я искренне надеялась, что леди Тарлиона оскорбилась и ушла. Пожалуйста, пусть...

Нет. Сегодня леди Тарлиона забыла о своей привычке видеть унижение и оскорбление где ни попадя.

А жаль.

Распахнув дверь, я сухо произнесла:

– Ясного утра, миледи.

Леди Тарлиона неспешно обернулась ко мне и явно хотела выдать некую заготовленную реплику, но... Но что-то во мне заставило ее промолчать. С минуту она просто стояла и смотрела, смотрела, а после, криво улыбнувшись, выдохнула:

– Ты его полная копия.

– Благодарю, – сдержанно похвалила я. – Позвольте пригласить вас войти.

Не дожидаясь ее ответа, я прошла в дом. Минуя кухню,

сразу в подобие гостиной: мастер не слишком-то любил светские условности. Потому и комната была обставлена с учетом его нежелания принимать «чужих» людей, потому как «свои» чай на кухне пьют.

– Разговаривать с матерью как с чужим человеком – этому тебя научили в столице? – спросила она с наигранным равнодушием.

Остановившись, я повернулась к ней и с искренним интересом спросила:

– Позволять любовнику издеваться над родной дочерью – этому тебя научили в столице? Если не ошибаюсь, мы учились в одной Академии, хоть и в разное время.

Медленно выдохнув, я продолжила куда спокойнее:

– Мы можем общаться, оставаясь в рамках формальной вежливости. Или же бросаться обвинениями. И мне, поверь, есть что предъявить как тебе, так и твоему любовнику.

– Ты...

– Ты, – не сдержавшись, я даже ткнула в ее сторону пальцем, – ты моя мать. Ты должна была защищать меня, любить меня, блюсти именно мои интересы. Тело отца сжечь не успели, а ты уже юбки задрала. Хотя если слухи не врут, то твои юбки гуляли на сторону и при жизни барона.

Вдох-выдох, и я, оставив ее за спиной, одним движением распахиваю двери. Леди Тарлиона вошла в темную гостиную следом за мной. Пройдя до центра комнаты, она принялась недоуменно осматриваться. Проследив за ее взглядом,

я усмехнулась: могу представить, какие мысли бродят в ее голове. Светлый паркет, темные стены, такие же темные массивные шкафы, окно, зашторенное серо-зеленым бархатом. И низкий дубовый стол в окружении дубовых стульев.

– Это свечи? – Подойдя к столу, она коснулась фитиля одной из свечей, что, будучи разноразмерными, занимали практически всю столешницу.

– Да, – я, зачерпнув немного силы, махнула рукой, и комната осветилась теплым пламенем, – это Переговорная Гостиная. Здесь мастер Дейтор принимал заказчиков. И здесь же я буду принимать желающих со мной поговорить.

Выдвинув стул, я села и жестом предложила леди Тарли-оне сделать то же самое.

– Твое место не здесь, – она осторожно уселась и опасливо покосилась на свечи, – ты знаешь, что живое пламя опасно?

– Не для меня, – коротко ответила я. – И да, я знаю, что мое место в замке, но мы обе помним, что занять кресло отца я смогу лишь после тридцати лет.

– Но это не значит, что ты не можешь жить дома.

– Вот мой дом. Уютный и безопасный. – Я развела руки, и пламя дрогнуло, заметалось, затанцевало, заставляя тени на стенах исказиться. – В этом доме нет лишних людей.

– В прошлом у нас были...

– В прошлом твой любовник воткнул мне в грудь нож и сбросил со стены, – я оборвала ее. – Ты это знаешь, я это знаю. И он это знает.

Леди Тарлиона вскинулась:

– Это не он!

Я же только устало отмахнулась:

– И Редзийское яблоко среди обычных тоже не он. Миледи, я не требую от вас отказаться от своего преступного любовника, отнюдь. Мне все давно понятно, и пусть это причиняет мне боль, но... Просто имейте совесть и не пытайтесь пролезть в мою семью. Я не считаю вас частью своего мира, и все, что вы можете сделать, – принять это.

– Он не мог, Вильгельмина, – она сверкнула глазами, – ты забыла, что ты клялась не причинять ему вреда?

– Помню, – я криво усмехнулась, – примерно в тот момент, как ты вынудила меня это сделать, умерли мои к тебе дочерние чувства.

Она же продолжила говорить так, будто я ничего не сказала:

– А после, но в тот же день, я взяла с него такую же клятву. Он боялся, что ты отомстишь ему за попытку отравления, и потому не осмелился поклясться первым. Я пыталась сохранить свою семью! Может, способ был не лучший, но...

Она продолжала что-то говорить, а я изо всех сил удерживала на лице гримасу вежливого внимания. В голове же бился один-единственный вопрос: неужели она говорит правду?

Взяв себя в руки, я обратилась к ней:

– Допустим, что я вам поверю, леди Тарлиона, и не он ранил меня, а после столкнул со стены. Однако вы любите че-

ловека, который пытался отравить вашу дочь. Вы живете с человеком, который, вместе со своей дочуркой, превратил мою жизнь в кошмар.

– Ты тоже была хороша, – сощурилась она.

– Я была в своем доме и своем праве, – отрезала я. – Как вы простили ему Редзийское яблоко?

– У него был куплен антидот, – она отвела глаза, – нельзя ненавидеть человека за то, что он дурак. Он хотел спасти тебя, чтобы быть героем в твоих глазах.

Я хмыкнула:

– Это похоже на правду. Умом твой любовник не блещет, как, впрочем, и его дочь. Но...

– Пойми, нам сейчас тяжело! Целое баронство презирает меня, моего мужчину и нашу дочь!

Нашу дочь? Меня будто одарили полновесной пощечиной, и я, понизив голос, ошеломленно произнесла:

– Стесняюсь спросить, каким образом его дочь стала твоей?

– Я приняла ее в семью по праву духовного родства.

Меня опалило жаром:

– И теперь ты хочешь, чтобы я признала ее Фоули-Штоттен? Ведь она наверняка получила лишь твою прежнюю, девичью фамилию?

– Вильгельмина...

– Никогда. Это окончательный вариант, который не обсуждается. И обсуждаться не будет. Точно так же мы не бу-

дем жить на одной территории.

– В замке закрылись практически все комнаты, – она сверкнула глазами, – слуги ушли, повара ушли. В замке не осталось никого!

– Но вы-то там есть. – Я подмигнула ей, позабавленная уходом людей. – Крыша над головой у вас есть. Что уже гораздо больше того, что было у меня прошлым летом.

– Доход баронства уходит на банковские счета, снять с которых я могу не больше трех золотых в месяц, – она подалась вперед, – как на это жить?!

Выдохшись, она откинулась на спинку стула и замолчала. Я же, встав, подошла к окну. Раздернула шторы и прислонилась лбом к стеклу.

Пальцы сводило от внутреннего холода, но сейчас меня это совсем не волновало.

Есть ли правда в словах Тарлионы? И есть ли мне дело до этой правды?

«Есть, – пришло внезапное осознание. – Если она говорит правду, то где-то ходит тот, кто пытался меня убить».

– Мне нужны доказательства, – произнесла я и поразилась тому, как безжизненно это прозвучало.

– Он дал клятву...

Повернувшись к ней, я усмехнулась:

– Может, и дал. Вопрос в том – когда. Митар допросит его, и если Митар подтвердит невиновность, тогда и поговорим о том, на что вам жить. И как жить.

– Ты просто должна вернуться домой...

– Нет, – оборвала ее я. – Даже если допустить, что не твой любовник столкнул меня, раненую, со стены, то остальных моментов достаточно, чтобы не желать вас видеть.

– И что тогда?

– Я займу место отца раньше времени, – сложив руки на груди, я склонила голову к левому плечу, – ты, твой любовник и ваша дочь – единственные, кто могут написать об этом в столицу. Других предателей в моем баронстве нет.

– Вильгельмина!

– Затем я назначу тебе ежемесячные выплаты, выделю дом. До моих тридцати лет никто вас отсюда не выпустит.

И вся суть леди Тарлионы проявилась в единственном вопросе:

– Сколько?

– Девять золотых плюс дом на пять комнат.

– Мало.

– Я могу и до тридцати подождать, – усмехнулась я.

– Десять золотых, дом на пять комнат, прислуга и...

– Шесть золотых и дом за пределом крепостных стен, – холодно отозвалась я.

– Что? Я... Я поняла, – леди Тарлиона грациозно поднялась, – я все поняла.

– И?

– Мне надо подумать.

– Думай, – согласилась я. – Думаать – оно полезно. Очень.

Она вышла, а я, вновь повернувшись к окну, прикрыла глаза. Как чудесно начался день. Может, лучше пойти обратно в постель и проспать до следующего утра?

За спиной раздался долгий вздох, и я, не оборачиваясь, шепнула:

– Спасибо, что не вмешался.

– Я был готов, но ты справились сама. – Гамильтон подошел ко мне и сел рядом, привалившись к моей ноге. – Она согласится.

– Не сомневаюсь.

Погасив свечи, я поднялась наверх. В кабинет. После разговора с леди Тарлионой хотелось умыться. И что-нибудь разбить. Или кого-нибудь проклясть.

«Я знаю, что это был он», – пронеслась в голове отчаянная мысль.

Дернув ящик стола, я хотела вытащить бумагу и наткнулась на низку окаменевших цветов. Потускневших, как будто припорошенных серой пылью.

– Они умирают без контакта с хозяином. – Гамильтон тенью вошел в кабинет и запрыгнул на жалобно скрипнувшую софу.

– Их хозяин далеко, – хмуро произнесла я.

Но все же протянула руку и взяла украшение. В этот же момент по нервам ударило прошлым – воспоминание предстало перед глазами так, будто я проживаю это вновь!

– Что это?

– Они хранят в себе момент отделения от материнского древа, – Гамильтон шумно вздохнул, – тем и ценны.

– И так будет каждый раз?

– Нет. Посмотри, одного цветка не стало. Сосчитай их – вот столько раз ты сможешь заново пережить тот момент. Он хоть того стоил?

Подняв руку, я коснулась пальцами губ. Как странно.

– Какая-то нелепость. Зачем все это, если...

В груди пекло и горело так, что даже привычный холод, сковывавший тело, отступал.

– Зачем? – По щеке скатилась слеза.

– Если бы я знал, – вздохнул Гамильтон. – У тебя пальцы посинели. Ногти, в смысле.

Я бросила взгляд на свои руки и невесело хмыкнула: и правда посинели. Теперь я еще больше похожа на отца, ведь его ногти тоже были покрыты синими разводами. По меньшей мере в момент огненного погребения.

– Надеюсь, это не слишком тревожный признак, – выдохнула я и в итоге. – Потому что нет сил испугаться.

А нитку с каменными цветами я все же вплела в косу. Просто так. Просто... Просто пусть будет под рукой. Это совершенно не значит, что я жду его.

Повернувшись к окну, я бросила тоскливый взгляд на улицу, залитую рассветными лучами, и с легкой грустью произнесла:

– Нас ждут дела.

И в первую очередь надо навестить Митара. Если избранник леди Тарлионы не пытался меня убить, значит, у меня есть умный и хитрый враг. Но кто может желать мне смерти? Получить баронство невозможно: наследников, кроме меня, нет. А значит, если линия Фоули-Штоттен прервется, то баронство уйдет под руку Правителя. И уже он будет решать, кто станет следующим хозяином. А тут стоит учитывать, что от такого счастья столичные лордики будут открещиваться и отмахиваться. Из местных же никого не назначат: старые традиции это недвусмысленно запрещают. А они, традиции, давно возведены в ранг закона.

Значит, кому-то мешаю именно я. А мое главное прегрешение – неумные шалости в Академии Магии. За это проклинают, вызывают на дуэль, жалобы пишут, в конце концов! А не втыкают нож под ребра, да еще и принимая чужой облик.

– Оставь пока эту мысль, – посоветовал Гамильтон. – И, думаю, стоит вновь пригласить Ауэтари в этот мир.

– После смерти отца она не хотела когда-либо возвращаться, – мягко напомнила я.

– Время скорби прошло. – Гамильтон соскочил на пол. – Острая боль смягчилась и стала верной спутницей. Я не отпустил тех, с кем шел раньше. Мне будет трудно пережить тебя, Мина. Но... Я бы из шкуры вылез, чтобы быть рядом с твоим щенком. Напиши ей письмо, а я вызову мелкоту.

– Я не знаю, что писать.

– Правду. И в самых изысканных выражениях. Эта старая су... Эта почтенная самка – ярая сторонница манерных манер в самом худшем их проявлении.

Письмо я писала долго. Зачеркивала, перечеркивала, рвала и мяла бумагу. Все, что выходило из-под пера, было мертвым и бессмысленным. В итоге в Псовий Мир отправилась записка на огрызке пергамента.

«Мне плохо. Вернитесь, если можете. Вильгельмина Фоули-Штоттен».

– Теперь она точно придет, – оскалился Гамильтон, – хотя бы ради того, чтобы напомнить тебе о необходимости приветствия. К Митару?

– К нему, – кивнула я. – Потом навестим Тину и Марона, а после вернемся в дом. Я чувствую, что должна находиться здесь как можно больше времени.

Глава 3

Прохладный ветер стер со щек излишний жар, а неблизкий путь успокоил мысли. Так что на двор Митара я вошла уже не перепуганной девицей, а уверенной в себе и своих людях баронессой.

Но сразу поговорить не получилось: нас усадили завтракать. И, быть может, если бы Гамильтон меня поддержал, то прием пищи был бы отложен. Но... Когда это мой компаньон отказывался от еды? Никогда. Вот и сегодня не отказался. Так что поговорить мы смогли лишь потом, когда Тария забрала Гамильтона к пегасам: что-то там у них случилось, с чем мог помочь только мой компаньон. Или она просто хотела дать нам с Митаром поговорить.

– Я думал, ты будешь в ярости, – поделился Митар и усмехнулся, – леди Тарлиону сразу срисовали, едва она из замка вышла.

– Зато она пребывает в уверенности, что никто ничего не заметил. – Я пододвинула к себе розетку с вишневым вареньем. – Она принесла дурные вести, Митар.

Выбирая ложечкой вишенки, я рассказывала о том, что поведала мне леди Тарлиона. И Митару, как и мне, это не понравилось.

Правда, особенно сильно ему не понравилась история с ножом.

– Почему я ничего не знал?!

– Потому что так было правильно. – Я подняла на него глаза. – Что ты мог сделать? Если так подумать, то все мы должны ей подчиниться. До моих тридцати лет именно Тарлиона – сила и власть на Окраинах. Она должна править баронством до тех пор, пока я не войду в нужный возраст. А еще она имеет право устроить мою судьбу и подарить баронству правильного барона.

– Ничего из этого она сделать не рискнет, – ровно произнес Митар.

– Разумеется, – согласилась я. – Но она может попросить помощи и защиты у Правителя. Меня пугало это тогда, но сейчас... Сейчас это еще хуже: на смену Кристофу пришел бастард, и что будет дальше...

Митар не сводил с меня взгляда. Ему было тяжело принять тот факт, что он не смог защитить дочь своего командира. Своего барона. Своего друга.

– Ты сделал достаточно. Ты был тогда, и ты есть сейчас. И это держало их в узде. Поверь, моя жизнь могла быть еще хуже.

– Скоро я это узнаю. – Митар дернул плечом. – Уверен, не пройдет и трех дней, как леди Тарлиона притащит своего любовничка.

А я только кивнула. И усмехнулась: моя детская месть сбылась. У него больше не было имени. Любовник, любовничек, ухажер – несколько десятков эпитетов, и все. Поче-

му? Потому что это был мой первый приказ, отданный именем погибшего отца. И люди поддержали меня. Хотя сейчас, спустя несколько лет, я вижу, что решение было мелочным.

– Я вот думаю, – Митар прищурился, – может, оставить лазейку в приграничных щитах?

– Зачем? – поразила я.

– Чтобы кое-кто мог навестить кое-кого.

Вначале я запуталась во всех этих «кое», а потом...

Вспыхнув, резко произнесла:

– Что бы ему тут делать? Полагаю, в столице дел достаточно.

«И если бы он хотел, давно бы пришел: леди Змейка путь открыла бы», – добавила я про себя. И поежилась:

– Сквозняк.

– Побойся Богов, – возмутился Митар, – на кухне натоплено так, что дышать горячо.

– Оттого и сквозняк так остро чувствуется, – упрямо возразила я.

И украдкой покосилась на свои ногти. Нет, трупной синевы нет.

– Как скажешь. – Он пододвинул мне свою розетку с вареньем. – Ешь, помню же, что любишь. Что будем делать с рутиной?

Рутиной на Окраинах называют боевые вылазки за стену. И я, выбрав из розетки Митара все вишенки, спокойно сказала:

– Сегодня вечером мы с Гамильтоном отправимся на разведку. Пройдем вдоль Гиблой Рощи до Свечи, оттуда оценим пересветы. К утру вернемся.

– Хороший план, – согласился Митар.

– Пока что я буду выходить с твоими людьми. И одновременно начну собирать свой отряд, – пожав плечами, я допила остывший чай, – так что рутинка была, есть и остается рутинкой.

– И то верно, все придумано до нас, так зачем портить то, что работает уже несколько столетий?

Попрощавшись с Митаром и Тарией, я вышла наружу. Сыто отдувающийся Гамильтон следовал за мной: он, оказывается, успел приговорить небольшой тазик пирожков. Тетушка их специально для него отложила.

Подставив лицо теплым солнечным лучам, я тихо вздохнула. Возвращаться домой не хотелось: на улице холод отступал. Скапливался на кончиках ногтей и дремал, ждал удобного момента, чтобы впитаться и пронзить до самых костей.

– Хочу сказать, что после пирожков с мясом очень трудно двигаться, – лениво произнес Гамильтон, неспешно трусивший рядом.

– Да мы вроде никуда не спешим, – удивилась я. – Или тебе настолько плохо? Давай в тенек присядем.

– Нет, – пес покачал головой, – просто мы подходим к тренировочной площадке, и я сразу говорю, что ближайшие два часа планирую тщательно и обстоятельно переваривать

съеденное.

Рассмеявшись, я наклонилась и потрепала его за ушами.

– Мы идем на Марона посмотреть. И узнать, нельзя ли его сманить в город погулять.

Гамильтон ошарашенно посмотрел на меня:

– Так сейчас ведь самый смак тренировочный!

– И если Марон пойдет с нами, то мы сразу пойдем, что все его планы – блажь.

– А-а-а, – протянул пес. – А если он пойдет с нами, потому что не сможет сказать «нет» лучшему другу? Если он решит, что тебе, как страдающей от последствий отбора, нужна помощь и поддержка?

Я резко остановилась, немного подумала и приняла новое решение:

– Обойдем справа и посмотрим на него из кустов. А после пойдем к Тине. Уж ее-то на чай точно отпустят.

– Да и сомнений нет в том, что она давно и твердо определилась с тем, кем хочет быть.

Я только кивнула. Мне не так повезло: я жила со знанием о том, кем должна быть. Не кем хочу, а кем должна. И только умение плавить металл, превращая его в произведение искусства, позволяло примириться с будущим.

Нет, я ни в коем случае не жалею. Здесь и сейчас я счастлива быть собой. Но в детстве все было несколько сложнее. Ведь я хотела стать главной загонщицей королевской своры! О, как я завидовала леди Ауэтари, ведь она посвятила

этой должности около девяноста лет! И мне было так горько узнать, что даже если я приложу все-все свои силы, я все равно не смогу возглавить Ежегодную Королевскую Охоту. А ведь даже главная самка Псовьего Мира бежит после старшей загонщицы.

Хмыкнув, я покачала головой и чуть ускорила шаг.

– Что-то не так?

– Все хорошо, – улыbnулась я, – просто вспомнила свою детскую мечту.

– Ха, леди Ауэтари говорила мне, – Гамильтон лающе рассмехался, – тебе серьезно не хватало скорости, насколько я помню. А вот вой выходил очень даже достойным. Если не для старшей загонщицы, то как минимум для главы отвлекающего крыла.

– Главное – не говорить никому о том, кем я хотела стать, – вздохнула я, когда мой компаньон отсмехался. – Люди почему-то на это странно реагируют.

– Пф, только дураки на это будут странно реагировать, – тут же отозвался Гамильтон. – Клянусь тебе, что каждый щенячий хвостик мечтает возглавить королевскую свору. Как каждый мечтает стать во главе армии. Вот только от должности старшей загонщицы меньше разочарований.

– Это поэтому леди Ауэтари выбрала себе моего отца и покинула родной мир?

– Ну, со стороны должность загонщицы выглядит лучше, чем статус генерала изнутри, – исправился Гамильтон.

А я вдруг подумала, что в его желании призвать сюда леди Ауэтари есть что-то большее, чем просто забота обо мне. Хм. А не...

– Мне не нравится ни твой взгляд, ни твоя улыбка, – проворчал мой компаньон. – Что ты задумала?

– Предвкушаю, как мы с тобой будем бойцов в отряд набирать, – легко соврала я.

И Гамильтон тоже воодушевился:

– Я в деле! Ох, а наш-то совсем плох.

Наклонившись, я раздвинула кусты и согласно кивнула: Марон и правда не справлялся. От утренней тренировки прошло минут двадцать, не больше, а он уже едва дышит.

– Но в глазах есть что-то такое, как бы так сказать? – Гамильтон сел, подумал и определился: – Правильное, вот.

– Надо озадачить Тину зельями, – решила я.

– Сколько себя помню, столько на Окраинах не одобряли использование препаратов, – удивился пес.

– Для детей и подростков, потому что зелья помогают телу привыкнуть к нагрузкам, но при этом ставят своеобразный «потолок» в дальнейшем развитии, – согласилась я. – Но вот взрослым, полностью «созревшим» магам это не запрещено и не несет вреда. Другое дело, что нашим взрослым магам это не нужно, сам понимаешь.

Аккуратно выбравшись из кустов, мы направились к Тине. И, уже подходя к особняку, я запнулась о камень. Ругнувшись, я кое-как удержала равновесие и хотела убрать пре-

пятствие, но...

Камня не было. Брусчатка была все так же гладка, как и до того, как я споткнулась. Что за ерунда?

– Придержите язык, юная леди, иначе вам вновь придется познакомиться со вспененным мылом, – произнес до боли родной голос.

Резко обернувшись, я увидела леди Ауэтари. Моя бесценная наставница, моя песья мать парила над мостовой на пышной шелковой подушке. Ее бессменная жемчужно-серая накидка красивыми волнами скрывала все, кроме головы, лап и хвоста. Ничего не изменилось. Все изменилось.

– Мат... Лед...

Подскочив к ней с невнятным возгласом, я прижалась лицом к гладкой жесткой шерсти и на краткое мгновение позволила себе провалиться в детство.

На мою спину легла тяжелая когтистая лапа, после чего леди Ауэтари проворчала:

– Вот так и знала, что старый негодник не справится с воспитанием молодой девочки. Ему бы только щенячьи хвостики на тренировке гонять да пузо набивать. Что уши повесил? Стыдишься?

– Гамильтон мой друг, – насморочным голосом произнесла я. – Он хороший.

– Да уж вижу я. – Леди Ауэтари убрала лапу с моей спины, и я, отстранившись, посмотрела ей в глаза. – В чем только душа твоя держится? Одно радует: со щенками не поторо-

пилась. Очень я боялась, что ты последуешь своей безумной идее завести слабого самца.

– Но вы не могли этого знать! – ахнула я.

– У меня достаточно подросших хвостиков, которые вынохивают и высматривают во многих мирах, – усмехнулась леди Ауэтари и направила свою подушку вниз.

Одно движение – и вот она, царственная, изящная и гордая, уже стоит на земле. Чуть брезгливо переступает с лапы на лапу, и накидка колышется. Всегда было интересно, она носит ее из-за...

– Из уважения к традициям твоего мира, хвостик. – На меня бросили снисходительный взгляд. – Вы кутаете тела в десятки слоев. Мне непонятно, но, находясь в гостях, я способна найти компромисс. Сама понимаешь, в платье я бы смотрелась... Недостойно.

«Смешно», – перевела я для себя.

– Я хотела... Я так хотела тебя... Вас. Вас увидеть, что даже не подумала, захотите ли вы прийти. – Я прикусила губу.

– Во-первых, мой маленький хвостик, ты уже достаточно взрослая самочка, чтобы перейти порог первой вежливости. Ты еще не имеешь права вызвать меня на бой, но ты уже достойна равного обращения.

Тут леди Ауэтари задумалась:

– Или ты хочешь...

– Я хочу быть твоим хвостиком, – перебила я ее, не желая, чтобы она начала мне выкать.

Она согласилась и затем добавила:

– Каждая леди имеет право на минуту скорби и слабости.

Иногда эта минута растягивается на несколько лет – в моем сердце зияет огромная рана. Но мой человек был твоим отцом, хвостик, потому я смогла преодолеть свою тоску. Если бы ты не позвала меня сегодня, я пришла бы завтра.

– Потому что ты уже знаешь, чем закончился отбор?

– Этот самец уже приручен, – она вздохнула, – хоть он и мечется сейчас в совершенно странных направлениях. Но, каюсь, часть из того, что я знаю, – секретна.

Присев на одно колено, я склонилась к ее голове и шепотом спросила:

– Расскажешь сказку на ночь?

– А то, – облизнулась леди Ауэтари.

Я отошла на шаг назад и выжидающе посмотрела на Гамильтона: мой компаньон все это время стоял недвижимо. Он просто пожирал мою песью мать взглядом и при этом робел так, что даже выглядеть стал чуть меньше своего обычного размера.

Леди Ауэтари склонила голову набок, а после одним небрежным движением оказалась нос к носу с Гамильтоном.

– Муф-ф, – хрипло выдохнул мой компаньон и, подавшись вперед, коснулся носом рыжего уха леди Ауэтари.

– Муф-муф-муф, – не то согласилась, не то просто проворчала моя песья мать.

Они стояли недвижимо, нос Гамильтона касался уха Ауэ-

тари так же, как нос Ауэтари касался уха Гамильтона. Едва слышимое «муф-муф-муф» смущало больше, чем если бы они начали вылизывать друг друга.

Отвернувшись, я коротко бросила:

– Буду у Тины.

После чего, не ожидая ответа, поспешила к особняку целителей. И все равно краем глаза зацепила, как они бок о бок направились куда-то по своим делам.

«Хоть бы все сложилось». Если бы могла, я скрестила бы пальцы даже на ногах.

И едва лишь мне удалось выманить Тину на чай, услышавшая новости подруга выпалила:

– Я скрещу тебе, а ты – мне! Наш Генерал как никто достоин простого собачьего счастья!

– Вот полностью согласна, – вздохнула я. – Но так страшно: вдруг что-то не так пойдет?

– Им нужно больше времени вместе проводить, – уверенно произнесла Тина. – В разлуке они уже побыли, теперь надо часы любви набирать.

– Скажешь тоже, – фыркнула я, но против воли задумалась. – Поручить бы им что-то такое, важное. Действительно важное, потому что ни Гамильтона, ни Ауэтари глупцами счесть нельзя.

– Придумаем, – отмахнулась Тина.

И посвятила меня в последние новости. Выяснилось, что Гроза Лесов, тот самый, очаровавший мою подругу, страшно

боится профилактического осмотра ротовой полости. Прямо-таки бледнеет и трясется.

– Вместе с ним тряслись кушетка, столик и я, – возмущалась Тина. – Как так можно? Взрослый же человек!

– Он не может быть идеальным. – Я развела руками.

– Это да. Но что они пьют! Я не про алкоголь, а про зелья. – Подруга свирепо сверкнула глазами. – Тут потерли, там порубили, взболтали, процедили и выпили! А то, что непогашенная побочка вылезает порушенными внутренними органами, никого не волнует!

Я потянулась вперед и поймала за руку бурно жестикулирующую Тину.

– Очень волнует. Потому я и поехала учиться в Академию. Чтобы своих научить зелья варить.

– Ты-ы?!

– Ну, мой вариант в любом случае лучше, чем порубил, потер, взболтал и процедил, – смутилась я. – Пойми, образование недешевое, аристократам доплачивают из казны совета, чем сильнее дар – тем выше доплата. Я, правда, училась за полную стоимость – чтобы не отработывать после. Но у других... У них просто нет таких денег. А другие, отработав десять-пятнадцать лет, просто не возвращаются.

– Ничего, – Тина чуть помолчала и принужденно улыбнулась, – откроем свои курсы. Скороварение по-столичному!

– Да! – Я хлопнула в ладоши и, стараясь произнести это невзначай, добавила: – Ты не могла бы меня диагностиро-

вать?

– Та-ак, – подруга нехорошо прищурилась, – и чего я еще не знаю?!

– Вот обязательно быть такой догадливой? – поморщилась я и, зачерпнув капельку силы из сережек, воздвигла вокруг нас барьер.

– Обязательно, – непримиримо фыркнула Тина, – а как иначе? Из вас же информацию клещами вытаскивать надо! Я хочу, чтобы в прошлое из будущего переходили выздоравливающие пациенты! Собственное кладбище меня мало устраивает.

– Ты права, – кивнула я. – В меня проникает холод. Через пальцы. Стремное ощущение, Тин. Иногда как болью простреливает до самого сердца.

– Хм. Плохой симптом, – нахмурилась подруга, полностью ушедшая в себя.

В следующие полчаса я стояла на месте; стояла на месте, раскинув руки; стояла на месте, скрестив руки на груди, – для разных видов диагностики нужны разные виды «стояния». Потом я лежала – да-да, с раскинутыми руками, со скрещенными руками, «солдатиком».

– Никаких аномалий, – выдохнула в итоге Тина. – Ты плохо ешь, мало спишь, много переживаешь, но это, я полагаю, из-за завершения отбора. Я бы советовала пропить комплекс витаминного зелья и ближайшую неделю три капли сплюшки на стакан воды.

– Так это же ни о чем, – удивилась я.

– Ты спишь, но плохо, – подруга укоризненно на меня посмотрела, – ты же не хочешь приучить свой организм к сонному зелью? Во-от, недельный прием сплюшки поможет тебе засыпать и при этом ничего не порушит.

– А магия?

Тина, вдохновенно ковырявшаяся в своей поясной сумочке, на мгновение замерла, а после недовольно произнесла:

– А вот магии в тебе через край. Раньше ты казалось иссушенной, испитой до дна. Ну, когда наступало магическое бессилие. Сейчас из тебя колдовской порошок делать можно.

– Но-но! Это, во-первых, карается смертной казнью даже для женщин, а во-вторых, мне дорог мой костный мозг и жить я без него не хочу, – фыркнула я. – Значит, магия есть. Хм. Может, все идет так, как и должно?

– Ты живешь в доме последнего мастера окраинной стали, – напомнила Тина, – ты не думаешь, что он оставил потомкам послание?

– Он оставил для меня клинок. Я... Я чувствую сталь так, будто ее заклинали с капелькой моей крови. – Я отстегнула оружие и положила его на стол. – Он не завершен, а я пока не чувствую, как надо его закончить.

– И связи с силой нет.

– И связи с силой нет.

– Для начала восстанови режим сна, меньше нервничай, больше двигайся, – наставительно произнесла Тина.

– Со сном как получится, а больше двигаться начну уже завтра: я буду сопровождать отряд Митара за крепостные стены. Посмотрим, что нам принесла сухая гроза.

Глаза Тины увеличились втрое.

– Без магии?!

– Да.

– С полноценным клинком в Безвремяе и без возможности его оттуда извлечь?!

– Да.

– Ты сошла с ума. Я не те заклятья к тебе применяла и потому не заметила необратимых изменений в мозгу, – простонала подруга.

Но я не собиралась поддерживать шутку:

– То, что за стеной, – привычное зло. У меня есть артефакты, есть клинок. И со мной Гамильтон. Куда хуже, если мои люди решат, что я боюсь выступать против тварей.

– Ты же... Как же? – Тина с отчаянием всплеснула руками и замолчала.

– Я крайняя баронесса, – ровно, почти равнодушно произнесла я. – Это обязывает.

Не знаю, к чему пришел бы наш диалог, но прямо на столе, между пустых чайных чашек, над моим клинком открылся портал. Оч-чень знакомый крошечный портал, через который к нам в буквальном смысле перебросили увесистый холщовый мешочек.

– Это... Это Кристоф тебя так задобрить пытается? Из-

далека шоколадом забрасывает? – оторопело спросила Тина, когда я, развязав завязки, вытряхнула из мешочка гору сладостей.

– Зря старается, – фыркнула я.

И приказала своему глупому сердцу биться медленней. Еще медленней! Нечему здесь радоваться...

Но против воли на лицо напознала улыбка, щеки потеплели, а на душе стало как-то спокойней. Он... Он помнит обо мне.

«Какая же ты идиотка, Вильгельмина, – обругала я сама себя и с мрачным вздохом взяла шоколадку в яркой обертке. – Ну непроходимая балбеска».

– А вкусненько. – Тина увлеченно шелестела оберткой. – Ого!

– Ты чего? – Я отломил кусочек шоколада и мрачно на него посмотрела.

– Самая модная столичная кондитерская. – Подруга была на грани обморока. – Мы оттуда пирожные раз в год заказывали!

– Так дорого?

– И дорого, и очередь ого-го! Леди Тайсвиль готовит сама, с одной-единственной помощницей. А конфеты она делает редко-редко, потому что сложно оставить центр жидким.

Разделить удовольствие было решительно невозможно: шоколад одновременно и горчил, и кислил, и...

– Он думает, что это... Что это что-то значит? – не выдер-

жала я в итоге и отбросила шоколад в сторону.

Тина, смаковавшая очередную конфетку, неохотно приоткрыла правый глаз и со вздохом произнесла:

– Воистину, чем умнее девушка до влюбленности, тем глупее после. И во время.

– Что?

– Что, – передразнила меня подруга. – Ты еще скажи, что он пытается тебя купить.

Фыркнув, я покачала головой:

– Это совсем глупо.

Подруга отложила надкушенную конфетку, заклатьем очистила пальцы и тихо-тихо спросила:

– На что бы ты пошла ради блага баронства?

– На все.

– Вот и все, – она развела руками, – и сейчас, спустя пару дней, я не вижу в произошедшем большой беды. Особенно учитывая, что он покинул отбор следом за тобой. Не просто убрал как ненужную использованную вещь, а уберег от опасности и ушел следом.

Я хотела бы разозлиться на Тину, на то, что она не поддерживает меня. Но... Я разделяла ее мнение. То, что она сказала, было правдиво и справедливо. Особенно в свете того, что Кристоф отрекся от власти.

И мне было больно. Мне было страшно больно в тот момент, когда все это происходило. Признаться, я до сих пор не могу понять, почему он не предупредил заранее. Можно

подумать, я бы не смогла «талантливо» сыграть. «Талантливо» в том смысле, что я не закатила истерики, ничем не показала...

– Ничем не показала?! – Тина возмущенно на меня посмотрела. – Да тебя трогать страшно было! Будто чуть коснешься – и все, ты рассыплешься на осколки. Мы старались этого не показывать, даже вроде шутить пытались.

– Я удержала лицо.

– Да, – подруга кивнула. – Идеальное было лицо. Жаль только, что глаза на том лице мертвые были.

Я поежилась и предложила закрыть тему. Все равно мы ничего не узнаем до тех пор, пока Кристоф не явится сам.

– И я подумала, – добавила Тина, закидывая в рот очередную конфетку, – что, если ему пришлось принимать решение в процессе?

– Ч-что? – Я нахмурилась.

– Ну, что, если все было относительно предсказуемо, а потом бац! И ночью или ранним утром произошло что-то еще, что заставило Кристофа срочно убирать тебя с отбора. Я просто... Я просто подумала, что, не предупредив тебя, он серьезно рискнул.

– Чем же?

– А что, если бы ты сочла, что его чем-то шантажируют, и решила бы остаться на Отборе? Ты же могла, верно? Остаться ради того, чтобы поддержать любимого человека? Или, например, остаться ради того, чтобы отомстить за нанесен-

ное унижение. Мол, ты от меня отказался? Так на, я теперь другому невестой буду.

Покачав головой, я тихо сказала:

– Мы не отступаем. Не меняем мнение в угоду сиюминутной выгоде. И, кстати, я сказала, что ради баронства пойду на все. Но... У этого всего есть и ограничения. Не явные, четкие, а внутренние. Не могу объяснить, но идти на подлость и предавать – нельзя. Поэтому, собственно, мы и не участвуем в политике. А ведь могли бы.

– Письмо! А конфеты кончились... Мина, прости, я все съела. – Тина виновато опустила голову.

– И шоколадку съешь, мне невкусно. – Я подтолкнула к ней сладость.

И не без трепета взяла конверт.

– Дома откроешь? Или на пару дней отложишь? – хитро улыбнулась подруга и отломил кусочек плитки. – М-м-м, специи, лимонная корочка и корица! Невероятно.

«А, так вот почему мне и кислило, и горчило, и острым показалось, – хмыкнула я про себя. – Значит, со вкусовыми рецепторами все в порядке. Что не может не радовать».

– Я пойду, – тихо сказала я и поднялась. – Надо...

– Не ври, – отмахнулась Тина. – Не мне, по крайней мере. Ты пойдешь таскаться по городу и страдать, а вечером прочитаешь письмо и будешь опять страдать.

– Звучит глупо.

– Да, – она пожала плечами, – но это нормально.

Оставив подругу догрызать шоколад, я покинула особняк целителей. Не сразу: у старшей целительницы был ко мне непростой разговор. Пришлось пойти на уступки и пообещать сопроводить группу травников за крепостную стену.

– Вы же понимаете, миледи, что запасы не бесконечны? А травы, выращенные в теплицах, вполонину слабее дикороса.

Леди Айрис, невысокая и худая до прозрачности колдунья, умудрилась заблокировать собой коридор. Она кусала губы, сверкала глазами и старательно сдерживала свой непростой нрав. Хотя я видела, что порой ей хочется повысить голос.

– Вы тоже должны понимать, что после сухой грозы за стеной вдесятеро опаснее. В то время как содержание магии в дикоросах после грозы возрастает лишь на четыре процента. Эти проценты не стоят ваших жизней.

– Но...

– Мимо Алого Златояра мы не пройдем, клянусь. – Я прижала ладонь к груди.

И вздрогнула, услышав шелест сминаемой бумаги.

Письмо. На краткое мгновение я про него забыла.

– Миледи?

– Все в порядке. – Я заставила себя улыбнуться. – Я сообщу вам о дате выхода за травами.

– Благодарю, миледи. Однако позвольте вас диагностир...

Я не стала слушать. Поднырнула под ее руку и поспешила прочь. Нашим целителям только развернуть диагност, как

все, очнешься в палате, в обнимку с пузатой банкой, полной горького целебно-профилактического зелья.

После разговора с Айрис я чувствовала себя чуть лучше. Чуть спокойней. Может, стоит перестать быть предсказуемой и пойти сразу домой? Прочсть письмо и либо обрадоваться, либо...

– Вильгельмина Фоули-Штоттен.

Смутно знакомый голос заставил меня остановиться посреди улицы.

Обернувшись, я увидела Делию. И в этой окраинной ле-ди было не узнать ту нежную, почти изнеженную принцессу, что явилась нам в Иль-доратане.

– Корделия Мортифера.

– Ты оказалась права: зарядить орудия почти нереально, – она покачала головой, – просто непредставимо, сколько энергии они потребляют.

– А сколько энергии они отдают, – усмехнулась я. – Раньше твари осаждали крепость. Потому-то за стеной нет поселений. Зерновые поля, огороды, сараи с инструментами – есть, а домов нет. Как ты? Как тебе наш край?

– Я мечтала о нем, – серьезно сказала Делия. – Мне не встретился мужчина мечты, но я нашла себя и свое место. Точнее, именно свое еще ищу, но... Я заряжаю накопители, зачаровываю мелкие амулеты и создаю простенькие артефактные детские игрушки. И все это пользуется спросом.

Она прищурилась и кивнула на небольшую чайную:

– Зайдем?

– Позже, – я чуть виновато улыбнулась, – сейчас мне нужно домой.

– Ты не оправилась от отбора, – она опустила взгляд, – все решили избегать разговора об этом... Но ты знаешь, что твое изображение есть в газете? Они посвятили тебе целый разворот. Я бы промолчала – Тария и Митар особенно на этом настаивали, – но я видела, что леди Фоули-Штоттен-старшая прикупила себе несколько экземпляров. Боюсь, что у вас слишком сложные отношения и она могла бы использовать это против тебя.

Мне на мгновение подурнело:

– Там все так плохо?

Делия поникла:

– Да не то чтобы...

– Мне нужен экземпляр. У тебя есть?

Но она покачала головой и пояснила, что Митар с бойцами изъял и экземпляры, и копии. Собственно, газеты остались только у леди Фоули-Штоттен.

– Ну и, может, кто в подвале спрятал. Где-нибудь под кадушкой с соленьями. – Она развела руками. – Я не рискнула спорить.

– Здесь не принято...

– Спорить с тем, кто отнесся ко мне как к дочери, – перебила меня Делия. – Ты знаешь, где я живу?

– Да. – Я помнила это очень смутно, но... Не потеряюсь.

– Приходи в гости, когда сможешь. Я... Я надеюсь, платья принесли тебе больше счастья, чем мне.

Тут я ничем ее порадовать не могла и потому ответила честно:

– Пока непонятно.

– Тоже неплохо, потому что про меня все было очень даже понятно.

Делия, улыбнувшись, порывисто подалась вперед и крепко-крепко меня обняла.

– Спасибо, что не прошла мимо. Спасибо, что поверила мне.

Резко отстранившись, она заалела щеками и тихо извинилась за вспышку чувств.

– Ничего страшного, – фыркнула я и тоже ее крепко обняла, – хорошо, что ты у нас прижилась. И присмотришься к бойцам Митара. Сейчас это самые серьезные парни в баронстве.

– Да? – скептически фыркнула Делия. – На прошлой неделе они надели на себя мельничные жернова и бегали наперегонки по главной улице.

– Так представь, каковы остальные, менее серьезные парни, – подмигнула я ей и, коротко попрощавшись, направилась домой.

Меня подгоняло письмо. До меня внезапно дошло, что мы все же не только Кристоф и Вильгельмина. Мы еще и экс-Правитель и полубаронесса, и в письме может быть что-то, что относится к делам, а не к чувствам.

«Ха. Раньше он имел приставку полу-, теперь она со мной», – пронеслось у меня в голове.

Прибавив шаг, я едва ли не бегом спешила к дому.

Дому, возле которого стояло трое очень и очень не любимых мною людей.

Леди Фоули-Штоттен, ее любовник, имя которого я принципиально отказываюсь узнавать и запоминать, и их милый ребенок – девица на год старше меня.

– Сегодня не подаю, – отрезала я, когда Ольра заступила мне дорогу. – Леди Фоули-Штоттен?

– Мы еще обдумываем твоё предложение, – она нервно улыбнулась, – но...

– Но вам захотелось пообщаться с Митаром? Вперед, его адрес известен. – Мне не хотелось тратить время на разговоры с семьей.

– Спешешь поплакать? – едко спросила Ольра и добавила явную цитату: – «Сокрушительный удар был нанесен одной из Крылатых Невест: Вильгельмина Фоули-Штоттен была исключена с отбора вне всяких правил, лишь по желанию милорда Рентийского».

– Ольра, – укоризненно проворковала леди Фоули-Штоттен, – доченька, так нельзя.

– Твоя мать права, Ольра, – я растянула губы в улыбке, – так нельзя. Особенно здесь и сейчас. Ведь, во-первых, от меня зависит ваше финансовое благополучие, а во-вторых, в наш мир вернулась моя мама.

Леди Фоули-Штоттен посмотрела на меня с искренним недоумением, но промолчала: эта женщина каким-то седьмым чувством улавливала моменты, когда любопытство не повлечет за собой ничего хорошего.

– Вот твоя мать, – а вот Ольга не улавливала.

– Нет, это жена моего отца, – усмехнулась я, – а воспитавшая меня матушка сейчас заново исследует город. Леди Ауэтари вновь с нами, вы рады?

На щеках леди Фоули-Штоттен расцвели некрасивые пятна.

– Ты не смеешь называть собаку своей матерью!

– Вильгельмина, это возмутительное оскорбление, – встрепенулся любовник моей мат... моей кровной родственницы.

Но его слова я привычно проигнорировала. Этого человека не существует в моем мире, и пусть Тина считает, что такое отношение вредит в первую очередь мне... Что ж, даже если она права – я потерплю.

– Я бы не посмела, что вы, миледи. Но отец учил меня не скрывать своих чувств, а потому я говорю лишь о том, что чувствую. И так как мы все выяснили, хочу напомнить, что дом Митара – десять шагов налево и дальше направо, а у меня дела.

– Какие у тебя могут быть дела?! – взвизгнула Ольга. – Ты всего лишь пигал...

– Вильгельмина! – о, а это «влюбленные» произнесли хо-

ром.

– Твоей дочери следует думать, прежде чем оскорблять сильную и злобную ведьму, – холодно произнесла я.

И, не произнося больше ни слова, прошла на двор.

Внутри я костерила себя на все лады: ну надо же было не сдержаться! И нет, она давно напрашивалась на качественное проклятье, но... Не сейчас же! Не сейчас, когда я колдую исключительно на запасенной силе.

Бегом поднявшись в кабинет, я рухнула за стол и вытащила письмо. Ощупала его и поняла, что внутри есть что-то очень плотное, плотнее бумаги, и что-то мягкое, шуршащее.

Ладно. Ладно. Я не трусиха. Мне просто нужно открыть это письмо, прочесть и...

«Может, лучше сначала открыть письмо мастера? Оно ведь столько времени меня ждет», – эта мысль искушала. Право слово, могу ли я быть полезна в формате возвращения власти? Нет. Значит, и важного там ничего нет.

«Но мастер мертв, а Кристоф – нет», – пришла другая мысль.

Не давая себе думать, я ногтями разорвала плотный конверт и... Внутри письма еще письмо? Или...

Это были рисунки. Карандашные наброски на тонкой-тонкой, почти прозрачной бумаге. И везде была я. Смеялась, сердилась, говорила. Сидела в обнимку с Гамильтоном или... Ох, а это вся наша компания на балконе. А это...

Кристоф явно не умел рисовать себя – его фигура была

показана несколькими линиями, в то время как я, лежащая в его объятиях, была отрисована очень четко и подробно.

– Глупости, – дрожащим голосом прошептала я. – Какие глупости.

Но второй, меньший конверт я вскрывала уже осторожней.

– О боги, – выдохнула я. – О боги.

Внутри оказалась тонкая пластинка окраинной стали. Я могла бы спрятать эту малышку в кулаке. Я могла бы купить особняк в столице, если бы решилась ее продать. Я... Как? Откуда?

Внутри конверта была записка – неровным почерком на газетном обрывке:

«Украл, теперь терзаюсь, хоть и оставил вместо стали драконий жемчуг. Кристоф».

Глава 4

Шум у входной двери заставил меня вздрогнуть и отвлечься. Пластинку стали я сунула за рукав и поспешила вниз, где...

Бам! И следом сдержанно-мужественный писк ушибленного Гамильтона. Все-таки зря я пару дней назад выставила в прихожую подставку для зонтиков. Мало того что сама в синяках, так еще и компаньон прищемил самый кончик хвоста. Почему именно его? А ничто другое не заставило бы его издать столь смешной возглас.

– Только не говори, что твоя шерсть ослабла и больше не держит удар простой деревяшкой, – с искренним недоумением произнесла леди Ауэтари, сосредоточенно обнюхивавшая заваленную набок подставку.

– Это я от неожиданности, – смутился Гамильтон и спрятал хвост между задних лап.

На самом деле от этой подставки страдали абсолютно все. Мастер Дейтор сделал ее сам и, как я предполагаю, вложил в нее частичку нашей разрушительной силы. Потом он не раз и не два клялся, что переделает заразу, но от слов к делу так и не перешел.

– Снова здравствуй, хвостик. Найдешь место для старой загонщицы?

– Для главной загонщицы, – поправила я ее и добавила: –

Для тебя всегда будет место в моем доме.

Мой дом весьма и весьма невелик, но... Я поманила псов за собой и жестом указала на гостиную, где мастер встречался с заказчиками, а я буквально недавно имела неприятную беседу с леди Фоули-Штоттен-старшей.

Ауэтари шумно принялась, обошла комнату по периметру и вынесла приговор:

– Уютно, благодарю. Могу я изменить мебель?

– Все что угодно, – кивнула я.

И нам с Гамильтоном осталось только стоять и смотреть, как она колдует.

Стол и свечи исчезли, как исчезла и вся остальная мебель. Вместо них появилась огромная, толстенная круглая подушка с вмятиной по центру. Еще несколько мгновений, и с потолка спустились полупрозрачные занавеси, укрывшие спальное место от нескромных глаз.

– Что-то я забыла. – Ауэтари дернула рыжим ухом и тут же клыкасто улыбнулась: – Вспомню – сделаю. Гамильтон говорил, что вы собрались на разведку?

– Да, вдоль Гиблой Роши до Свечи, надо оценить порталные пересветы. После сухой грозы их будет хорошо видно, особенно со Свечи.

Я предполагала, что нам откроется весьма и весьма яркая картина, которую потом придется перепроверять с отрядом. Все дело в том, что после сухой грозы воздух переполнен особенной магией, и если использовать обзорные артефакты,

то можно засесть места, где наклеиваются прорывы.

– Никогда не могла понять, отчего столь важное оборудование было оставлено на территории врага, – вздохнула Ауэтари.

– Потому что отступить пришлось быстро. – Что-что, а историю Окраин я помнила очень даже хорошо. – Там ведь и стационарные порталы были брошены. Их разбили, чтобы не дать тварям мертвых миров перемещаться по стране. Другое дело, что твари оказались не способны ими пользоваться... Но кто тогда мог это знать?

– Да и хорошо, что порталы разбиты, – проворчал Гамильтон, – мы и так не можем уследить за контрабандистами. А с порталами они и вовсе стали бы всемогущи.

– Не буду мешать вам собираться, – Ауэтари склонила голову набок, – но осмелюсь полюбопытствовать: вы уверены в своих силах?

В этом вопросе мне почудился совсем другой смысл: «Неужели больше некому?» А потому я постаралась ответить и на то, что прозвучало вслух, и на то, что только подразумевалось:

– Абсолютно. Многое изменилось с тех пор, когда мы последний раз виделись. Да и кто, кроме нас? Пегасы могут пролететь над Гиблой рощей, но ветви деревьев столь плотные, что они не смогут рассмотреть, что происходит в Старом Храме. Свеча же окутана таким количеством защитных чар, что высадиться на крыше башни невозможно. Призем-

литься на земли вокруг – тоже, ведь там и ловчие ямы, и проклятья, и просто бурелом.

– Все то, что я с легкостью преодолею, – небрежно бросил Гамильтон и, красиво развернувшись, вышел из комнаты.

Правда, пафос его ухода был подпорчен тем, что он не вписался в проем и неслабо так ударился об косяк, но... Но Ауэтари явно была впечатлена, а что еще нужно?

– Я бы хотела попросить о помощи, – мягко произнесла я. – Прошло несколько лет, будет хорошо, если Гамильтон покажет тебе город.

– У вас была глобальная стройка? – удивилась Ауэтари. – Мне показалось, что ничего не изменилось.

– Ничего не изменилось, – согласилась я. – Но я бы хотела узнать, о чем говорят люди. Очень уж сложная ситуация сложилась.

– Да, – Ауэтари склонила голову набок, – проклятый клинок вновь на свободе – это не может не пугать.

– Да. Доброй ночи.

Выходя, я краем глаза увидела, как Ауэтари взглядом раздвигает занавеси и запрыгивает на свою подушку, после чего с ворчанием крутится вокруг своей оси и только после этого укладывается.

«Потому что должно быть удобно», – вспомнила я объяснение Гамильтона.

Что ж, мне удалось убедить Ауэтари в необходимости исследовать баронство и слухи, по нему курсирующие. Оста-

лось только обсудить это с Гамильтоном. И тонко намекнуть, что это его шанс. Впрочем, до Гиблой Роши путь неблизкий, успеем обсудить!

Взбежав по лестнице, я нашла своего компаньона в кабине. Он уже сменил шелковый жилет на плотную кожаную накидку.

– Не хочу, чтобы ты поранилась о мою шерсть, – пояснил он.

– Раньше не ранилась, – нахмурилась я.

– Линяю, – вздохнул Гамильтон, – шерстинки теряют крепость и остроту на пятый-шестой день.

– Так вот чем я ночью ногу наколола, – ахнула я.

– Прости.

– Нестрашно.

Мы с Гамильтоном перепроверили наше снаряжение, после чего вышли наружу. Это первый раз, когда мы отправляемся на разведку в одиночестве. Остановившись, я зачерпнула крохотную искорку силы и направила магию к глазам. Уже стемнело, и без колдовства я буду слепа, как слеп обычный человек в ночном лесу.

– Я все. Идем?

Мой компаньон чуть замешкался и бросил долгий взгляд на дом. Точнее, на темное окно гостиной, которая сейчас превратилась в спальню Ауэтари.

– Ты счастлив? – тихо спросила я, когда мы все же вышли за ворота.

Мой компаньон искоса на меня посмотрел:

– Не так чтобы сильно, но я хотя бы знаю, что она в безопасности. Я слышал, ты получила послание от Кристофа?

– Да, – я криво улыбнулась, – он, оказывается, хорошо рисует. Вот только я и близко не представляю, в безопасности ли он...

– Он воин, – Гамильтон резко увеличился в размерах, не забыв растянуть и свою накидку, – он не чурался авантур и тогда, когда был Правителем. Думаю, сейчас он делает все то, что давно откладывал.

– Ты меня так успокоил, спасибо. – Я запрыгнула на спину своего компаньона, и он, сдавленно крикнув, проворчал:

– Не за что. И прекращай грустить, а то я скоро тебя не подниму.

– Разве грусть утяжеляет человека? – рассмеялась я.

– Грустный человек начинает есть больше, чем должен, – объяснил Гамильтон, – ты вот на сушки налегла. И результат на моей спине! С неделю назад, во дворце, твой вес был другим.

– Гамильтон. Это клинок, метательные иглы, арбалет и зелья. И поясная сумка. – Мне было и смешно, и обидно одновременно. – Во дворце-то я использовала отцовский меч. Тот, что спрятан в Безвременье. Он на порядок легче любого другого оружия, потому что даже когда он у меня в руке, часть его все равно там. И не забывай, что все остальное всегда находилось в Безвременье и доставалось лишь по мере

необходимости.

– Да? Ну ладно. А с сушками все равно завязывай, я ночью хотел пожевать, а там только крошки.

– Так бы сразу и сказал, а то «тяжело, тяжело», я еще помню, как ты вековую сосну в зубах тащил. Как только пасть так широко открылась!

Гамильтон утробно рыкнул и, оттолкнувшись лапами от мостовой, прыгнул вперед и вверх. И вновь вперед и вновь вверх! И так до самых крепостных ворот, сквозь которые мы пролетели с молниеносной скоростью. Я успела лишь подмигнуть Митару, проверявшему вечерних часовых, как перед нами уже раскинулась условно опасная часть баронства.

Набрав скорость, мой друг с интересом спросил, зачем мне слухи, ведь я и так знаю, что люди меня любят.

– Ты подслушивал, – возмутилась я, перекрикивая свистящий в ушах ветер.

– Охранял ваш покой, – не согласился пес. – Пожертвовав своим комфортом, я лежал на грязном холодном полу и следил, чтобы никто вас не обидел.

– И уши развесил, – фыркнула я. – А если бы мы говорили о девичьем?

– А то я не наслушался ваших с Тиной разговоров. У того кобеля такие глаза, а у того такие. А тот три дуэли выиграл, а тот...

– Гамильтон! Ты же спал!

– Я притворялся, – признался пес и наддал.

Миновав распаханное поле, мы сбавили скорость. На горизонте появилась темная громада Гиблой Роши. Что ж, три часа до Свечи, час-другой на осмотр и три часа назад.

– Интересно, Тария поставит пирожки к нашему возвращению?

– Кто о чем, а Гамильтон о еде, – фыркнула я. – Если будем стоять и смотреть, то пирожки остынут и зачерствеют.

Тем не менее я спрыгнула со спины друга и пошла с ним рядом. Сейчас не время для спешки, нужно быть предельно осторожными.

Здесь, за пределами крепостных стен, когда-то кипела жизнь. До того, как мир сломался и на нас начали нападать твари мертвых миров. Там, где сейчас торчит одинокая Свеча, находился огромный маго-научный комплекс. Это была эпоха расцвета. Эпоха, когда люди и колдовские звери работали бок о бок. Начало этой эпохе положил Сеартес, а закончил... Кто эту эпоху угробил, сейчас сказать трудно. Может быть, когда-нибудь станет известно, что конкретно пошло не так. А может, мы никогда этого не узнаем.

Но известно одно: повторить артефакты Свечи не смог никто. Пытались многие, даже мастер Дейтор. Но, увы, огромный комплекс увеличительных стекол, линз и рассеивателей магии так и остался единственным в своем роде. Сейчас мы используем его ради отслеживания Пересветов, ярких цветных сполохов, не различимых человеческим взглядом. Но раньше... Раньше через этот артефакт можно было увидеть

Свечи других миров.

А сейчас – невозможно. Спасибо, что хотя бы Пересветы видны. И нет, дело не в том, что не осталось специалистов. А в том, что маги в столице сделали «логичный вывод»: если сквозь магоскоп видны другие миры, значит, именно он, магоскоп, позволяет тварям проникать в наш мир. К Свече была переброшена группа бойцов, и артефакт почти уничтожили. Моему прадеду удалось отбить магоскоп, но... Несколько важных линз превратились в стеклянную крошку. Как и карта миров: боевые маги умеют разрушать. Так что все эти ловушки, все эти ловчие ямы и чрезмерно хрупкая крыша, не позволяющая на нее высадиться, – это не от тварей. Точнее, не от тех тварей, что приходят их других миров.

– Ты сопишь, – поддел меня Гамильтон.

– Вспомнила, как уничтожали магоскоп.

Гамильтон запнулся:

– Ты не могла там быть.

– Я читала дневники. У прадеда был талант, – я вздохнула, – прочитала так, будто жизнь прожила. Ты знал, что к магоскопу боевых магов привела моя прабабка? Она поверила, что именно артефакт повинен в нападениях, и хотела... Хотела как лучше.

– Полагаю, остаток ее жизни был сер и скучен, – мрачно произнес Гамильтон.

– Прадед не позволил ей уйти в столицу. Ради Райет Фоули-Штоттен была выстроена отдельная башня, где она и

провела всю свою жизнь. Дети могли встречаться с ней лишь раз в год, все остальное время она проводила в одиночестве.

– С ней был компаньон, – мягко сказал Гамильтон, – разве твой дед не писал об этом?

– Н-нет, – я подозрительно покосилась на друга, – а ты откуда знаешь?

– Так повелось, что Окраины влекут к себе представителей моего мира. А слухами... Слухами земля полнится. Жизнь Райет не была медом, но и совсем плохой ее назвать было сложно.

Мы замолчали. Затем я не выдержала:

– Ты...

– Да?

– Нет, ничего, – я криво улыбнулась, – запнулась и потеряла мысль.

Гамильтон был чьим-то компаньоном. Он жил здесь несколько веков назад. Маги и колдуны способны протянуть до полутора сотен лет, а события, описываемые в дневнике прадеда, происходили как раз два века назад. Мог ли Гамильтон быть компаньоном Райет? Но, что самое главное, хочу ли я знать, был ли он ее компаньоном? Хочу ли я знать, разделял ли он ее взгляды? Магоскоп был разобран и частично разбит, он не функционировал больше десяти лет – лучшие из лучших бились над его восстановлением. Восстановлением, которое было жизненно необходимо, ведь тварей стало только больше...

– Слева, – коротко произнес Гамильтон.

Зачерпнув силу, я выставила щит, а после добила мелкую тварюшку.

– Они живут стаями, – это мы с компаньоном выдохнули в унисон.

Бросок, щит, бросок. Нет времени ни для арбалета, ни для метательных игл.

Как нет и реальной угрозы: эти тварюшки неопасны. Хоть и отнимают время.

– Последний, – удовлетворенно произнес Гамильтон и раздавил противника лапой.

До Гиблой Рощи оставалось всего ничего, когда мне почудился блуждающий огонек.

– Я что-то вижу, – напряженно произнесла я.

– Где?

– На шесть часов. Нет, на восемь. Нет...

– Пальцем покажи, – мрачно вздохнул Гамильтон, – когда ты научишься воображать перед собой циферблат? Это ведь так просто: представила часы – поняла, подле какой цифры расположен враг, – навела меня.

– Оно мечется! И... Исчезло. Это был огонек, такой... полупрозрачный, – я потерла переносицу, – или его не было?

Мы остановились. Тропка вдоль Гиблой Рощи прямо под нашими ногами. Внутри Гиблой Рощи брошенный храм, в котором за столько лет наверняка завелось нечто эпическое. Но... Но я видела огонек, и он, юркий, улизнул куда-то к

центру Роши.

– Нас там съедят, – отметил Гамильтон, когда я сделала первый шаг.

– Мы будем сопротивляться, к тому же у меня при себе соль.

– Чтобы таинственной хтони было повкусней?!

– Чтобы пересолить друг друга и таинственная хтонь сказала: «Оу, нет, я слежу за водно-солевым балансом», – нервно хихикнула я. – И к тому же Храм просматривается из, если я не ошибаюсь, во-он тех кустов. Их разведчики издалека обстреливают, чтобы не разрастались.

Добравшись до кустов, мы всмотрелись в темную громаду храма. Входить в самую Рощу разведчикам запрещено, потому мы не спешили к призывно белеющим ступеням.

– Огня нет.

– Но он был.

– Уверен?

– Чую запах сгоревшего пороха, – проинформировал меня Гамильтон. – Наша цель – Свеча.

Кивнув, потеряла друг об друга заледеневшие ладони и потянулась к сокрытой в последней сережке силе. Мне нужен поисковик. В Роще нет ничего живого: ни зверей, ни птиц. Если там заблудился случайный контрабандист и его еще не сожрали, будет яркий отклик.

Отклика не было. Громада храма издевательски белела ступенями и манила, манила нарушить одно из главных пра-

вил разведчика.

– Идем.

Резко развернувшись, я направилась к едва заметной тропке.

– Соль зря пропадет, – хмыкнул Гамильтон. – Хотя я удивлен твоим решением.

– Мы осмотрим храм после того, как запишем координаты Пересветов.

– А, нет, не удивлен. Только как ты планируешь передать координаты?

– Через одного из твоих хвостиков, разумеется, – я пожала плечами, – это же очевидно.

Тропка легко стелилась под ноги, и мы с Гамильтоном почти бежали. От Гиблой Роши до Свечи совсем немного. Плюс ко всему идет то, что часть пути мы сделаем по старой, но все еще не заросшей дороге. Увы, секрет этого ровного и гладкого покрытия был утрачен.

– Неприятно, – проворчал Гамильтон, – терпеть не могу это «цок-цок-цок».

– Дорога скоро закончится, – успокоила я его. – И потом, вспомни, как звучит металлическая набойка на гулком мраморе большого холла. Особенно если у хозяйки легкая косолапость и одна нога все время подворачивается.

– Спасибо, мне стало неприятней, – хмуро отозвался мой компаньон.

Лежащая справа от нас роща поредела, и мы увидели ве-

личественный силуэт Свечи. Из-за неоднократных разрушений ее контур наверху слегка походил на оплавленный воск.

– Иди за мной след в след, – в унисон произнесли мы с Гамильтоном.

– Ладно, и чьей дорогой пойдем? – спросила я у компаньона.

– Хочу на ручки, – хитро улыбнулся он и резко уменьшился.

– Имя тебе – коварство и наглость.

– Это два имени, – ухмыльнулся он и поудобнее устроился на моих руках.

Я сделала первый шаг, благо умение видеть легкую паутинку магии меня все еще не покинуло.

К Свече нельзя пройти единственно верным путем. Каждый разведчик прокладывает свою дорогу сам, уповая лишь на свои знания и умения. И, уходя, он обязательно деактивирует одну-две ловушки, чтобы оставить на их месте свои проклятья.

Вот и ворота. Оплавленные, искореженные и заржавевшие, но все еще выполняющие свою функцию. Приложив ладонь к старому гербу Маго-Научного Комплекса, я мысленно представилась.

«Вильгельмина Фоули-Штоттен, баронесса, разведчик и мастер окраинной стали».

Ворота отворились без единого скрипа, и я не без трепета ступила внутрь.

С каждым шагом темный коридор освещался голубовато-зеленым светом. Он исходил от потолочных панелей, что нависали над нами. Нависали и были местами повреждены.

– Иногда мне кажется, что прадед был прав: Свеча кричит от боли, – тихо сказала я, проведя ладонью по глубокой трещине, оставшейся от боевого заклятья.

– В моем родном мире артефакты подобной мощи обретают сознание, – согласился Гамильтон.

Мы поднимались по бесконечной винтовой лестнице, проходили мимо выбитых дверей, ведущих в абсолютно пустые, темные комнаты. Комнаты, которые даже не освещались: у Свечи не доставало сил.

Вот, наконец, и верхняя площадка.

– Возможно, тот тазик с пирожками был лишний, – шумно выдохнул Гамильтон.

– Я же несла тебя на руках! – возмутилась я.

– И при этом сильно давила на живот, – страдальчески вздохнул мой компаньон. – Все мне нравится в Свече. Все, кроме того, что мы сейчас прекрасная мишень.

Возразить было нечего: пол под нашими ногами ярко светился и, отражаясь от стеклянной крыши, распадался мириадами искр. Со стороны, наверное, потрясающее зрелище.

Остов магоскопа стоял в центре площадки. Линза уже была направлена на Пустошь. Мне оставалось лишь влить в нее щедрую порцию силы и достать подробнейшую карту.

Четыре фиолетовых карандаша – светлый, чуть темнее,

еще темнее и почти черный – вот так мы зарисовываем Пересветы, оттеняя их яркость. Чем насыщеннее отблеск будущего разрыва, тем скорее ткань мира не выдержит и пропустит к нам тварей.

Увы, мы не можем воздействовать на сами Пересветы, но мы вполне способны просчитать скорость их разрыва. Жаль, что они видимы только после сухой грозы.

Зарисовывая всполохи, я увлеклась так, что только сдавленный возглас Гамильтона вырвал меня из этого транса.

– Посмотри!

Я бросила взгляд в линзу и пожала плечами:

– Обычное количество Пересветов.

– Да нет же, там, на четыре часа! Агр, за лапой смотри!

Сквозь линзу обычный мир виден не так чтобы хорошо. Я сделала шаг в сторону и увидела человека. Он был далеко, но... Он открыл портал?!

– Проклятый клинок! – выдохнули мы с Гамильтоном в унисон.

Человек бросился к разбитому стационарному телепорту и, потратив всего несколько секунд, смог его оживить. Цвет магии подсказал, что направление перемещения – столица.

– Это невозможно, – прошептала я помертвевшими губами.

– Невозможно то, что он провел с собой нескольких граммов, – мрачно произнес Гамильтон.

– Порталы разбиты. – Я никак не могла поверить в уви-

денное. – Мы же проверяем это! Я не могу не доверять своим людям!

– Доверяй, но проверяй, – наставительно произнес Гамильтон. – Ты закончила с рисованием? Ночь будет долгой...

В продолжение своих слов Гамильтон вытряхнул откуда-то из-под плаща пухлый сверток. Подтолкнув его носом к моим ногам, он небрежно бросил:

– Сервируй нам стол, пожалуйста.

– Ч-что?

– Пока ты думала о великом, я размышлял о насущном, – облизнулся пес. – Грамрлы уже в столице, послать туда весточку мы не можем, а потому, пока ты накрываешь на... кхм, пол, я отошлю карты Митару. Затем мы спокойно поедим и отправимся изучать портал, потом храм, а там уже и до ужина рукой подать. А ужинать лучше всего в доме Митара. Все же готовишь ты не так, как колдуешь.

Из всей его речи я уловила только одно:

– Почему мы не можем послать весточку в столицу?

– А кому ты в столице доверяешь? Кристоф неизвестно где, его вещей у нас нет, следовательно, послать щенка по его следу мы не можем. Что это?

– Он прислал в подарок пластинку ледяной стали. – Я вытащила конверт. – Внутри была записка, на ней, наверное, остался запах. Может, этого хватит.

– О, ты носишь его подарки при себе? – ухмыльнулся Гамильтон.

– Это ничего не значит, – отрезала я.

– А я ни на что и не намекал, – ухмыльнулся пес, а после сурово нахмурился. – Колбаса сама себя на хлеб не положит, Мина. И это, кстати, тоже не намек. А вполне себе прямая фраза.

– Поняла я, поняла. – Мне оставалось только закатить глаза.

И, пока я нарезала колбасу – подумать только, как я использую клинок из окраинной стали, – Гамильтон призвал двух бассетов. Или...

«Это какой-то неправильный бассет», – подумала я, но промолчала. Мало ли что, все же жители Псовьего Мира весьма и весьма разношерстны.

– Я бигль, Алья, – невысокая малышка грациозно потянулась, – мы родственники, но не скрещиваемся. Бережем чистоту крови.

Они исчезли, а я вдруг вспомнила, что второй раз они в наш мир вернуться не смогут.

– А как...

– Алья передаст конверт и записку одной из моих учениц. Они смогут из нашего мира настроить связь с владельцем запаха. То же самое с картами, только там адресно, а не через связь. Сама понимаешь, племянников и племянниц у меня немало.

– И все они тебя любят. – Я улыбнулась и плавно повела рукой. – Прошу к столу.

Сев, Гамильтон морфировал передние лапы так, чтобы они стали похожи на руки. Расправившись с бутербродами, мы открыли кулек с печеньем. О, то же самое, что Тария приносила к нам домой! Песочный коржик, посыпанный корицевым сахаром.

– Печенье предлагаю оставить на перекус, – неожиданно предложил Гамильтон. – Не стоит идти на поводу у желудка.

– Это Ауэтари так на тебя действует? – спросила я и добавила: – Я попросила ее погулять с тобой по городу. Послушать людские разговоры.

– Ты сомневаешься в Митаре?

– Я хочу, чтобы провели немного времени наедине, – я пожалала плечами, – между вами искрит.

– Это наше прошлое в конвульсиях бьется, – мрачно отозвался Гамильтон, – но спасибо.

Прибрав за собой, мы спустились вниз. И я, помня о том, что нужно заменить несколько ловушек своей одной, вытащила пластинку ледяной стали. Клинок из нее не выйдет, а вот маленький сюрприз для того, кто придет со злом, – вполне.

– Не думаешь, что это слишком жестоко? – с интересом спросил Гамильтон, вновь забравшийся ко мне на руки.

– Я думаю, что я пока не могу осознанно вырастить ловушку, которая растворит человека в кислоте. – Я кивнула на глубокую яму, замаскированную иллюзией. – Или вон то дерево – оно сделает частью себя любого, кто его коснется.

Посмотри, сколько в нем черепов. Моя же ловушка, во-первых, подаст сигнал, а во-вторых, надежно удержит неприятеля. Когда раз за разом переживаешь худшие моменты своей жизни, когда вновь и вновь видишь, как сбываются твои самые страшные опасения, когда кошмары занимают разум – можешь ли ты мыслить здраво и вырваться из ловушки? Я думаю – нет.

– А я думаю, что после твоей ловушки допрашивать будет некого, – зевнул Гамильтон. – Осторожно!

– Вижу.

Зона рассыпанных ловушек заканчивалась, впереди короткий участок старой дороги, несколько почти уничтоженных развалин и разбитый телепорт.

И грамрл.

– Скажу честно: я пуста. Вся моя сила ушла на ловушку, – призналась я.

– Скажу прямо: я не удивлен, – отозвался Гамильтон. – Вопрос лишь в том, откуда эта тварь взялась. Мы видели, что все они ушли.

– Вопрос в том, как эту тварь упокоить, – поправила компаньона. – Но вначале выйти из окружения недружественных заклинаний...

– Нет ничего невозможного, – ухмыльнулся Гамильтон. – Пока я его отвлекаю, ты выходишь. Но вот вопрос: что ты можешь сделать?

Я только усмехнулась:

– Серьги пусты, но, знаешь, если надеть слишком вычурное ожерелье под одежду, то этого никто не заметит.

– Тогда готовься, – хищно выдохнул мой компаньон. – Иду!

Сгруппировавшись, он оттолкнулся от меня и прыгнул вперед. Только чудо и многократно отработанное движение не дали мне слететь с безопасной тропки в очередную колдовскую ловушку.

На лету Гамильтон многократно увеличился в размерах и просто-напросто снес грамрла! Чтобы через секунду отпрыгнуть: у твари оказался напитанный межмировой магией трезубец. Глаза пекло, и я люто ненавидела саму себя: отправиться за пределы крепостной стены и не взять с собой очки!

Плотно смежив веки, я наплатала их своей силой. Нельзя смотреть на грамрла незащищенным взглядом, а очки я достать не смогу: мои так и остались у Марона!

Проблема в том, что так, сквозь веки, я не вижу ловушек. Прекрасно вижу тварь, как она кружит и атакует моего компаньона, но ловушки... Ловушки я не вижу.

Решение может быть только одно, и я никогда не признаюсь...

– Лови меня!

Что прыгать в пустоту очень страшно и что я не уверена...

– Рехнулась! – рывкнул мой компаньон.

Что Гамильтон сможет меня поймать.

Смог. И вот я уже на его спине.

Коротко взвыв, Гамильтон пошел на сближение. Я же, растерев ледяные ладони, послала в грамрла поток своей «всеисцеляющей силы».

Поток был отбит трезубцем.

– Сэ-сэ-сэ, – от присвиста твари стало жутко. – Цэвос-ська и пёс-с. С-снакомый запах: я ужепил такую жис-снь.

Отец?!

– Лжешь, – выдохнула я и вновь атаковала грамрла.

Он принял удар на трезубец и...

О да, пауко-змейки видят не так и хорошо, как мы, люди.

На стальных резцах его трезубца появилась сеть трещин.

А значит, моя магия пробивает его защиту.

– Плюнь в него, – выдохнула я, и Гамильтон тут же отпрыгнул назад, сел на задницу и широко раззявил пасть.

Под прикрытием пламенного дыхания я послала еще несколько ударов и с удовлетворением услышала предсмертный свист грамрла.

Соскользнув на землю, я подошла к краю выжженной земли. Тварь, вероятно, мертва. Но подходить ближе я не рискну, все же...

Это было медленно. Судорожное сокращение мышц, и грамрл тратит остатки своей жизни на то, чтобы метнуть в меня осколок своего трезубца.

А я просто стою и смотрю на свою приближающуюся смерть. Я понимаю, что нужно уклониться – припасть к земле или уйти в сторону. Я понимаю, что Гамильтон уже умень-

шился и его не заденет...

Но я не могу двигаться.

– Дура!

В спину бьет что-то увесистое, и я лечу вперед, падаю и лежу, не понимая: это все?

Глубокий вдох, запах горелой травы щекочет ноздри. Медленный выдох, сквозь налитые силой веки я вижу, как шевелятся не прогоревшие травинки.

Сердце бьется, боли нет. Пальцы на руках и ногах сжимаются-разжимаются. Я цела?

– Я в восторге от твоей реакции, – проворчал Гамильтон, и тяжесть, давившая на спину, исчезла. – Это был сарказм, если что.

– Я понимала, что нужно уклониться, – хрипло произнесла я и села, – понимала, в какую сторону. Но не могла...

– Ты посмотрела на него открытым взглядом? – предположил Гамильтон.

– Издалека, – я покачала головой, – это не могло повредить. А после... У меня и сейчас глаза закрыты. Я стала куда лучше видеть сквозь веки.

– Частые тренировки плюс серьезная мотивация. – Гамильтон тяжело вздохнул. – Можешь открывать глаза, он гарантированно мертв. И, к слову, уже начал разлагаться. Очень быстро, кстати.

– Так ведь не зря черных сборщиков вычисляли по заказам консервирующей жидкости.

– Теперь перестали вычислять? – заинтересовался мой компаньон.

– У них, вероятно, появился свой зельевар.

Гамильтон насмешливо фыркнул:

– У черных сборщиков, значит, есть свой зельевар, а на Окраинах его нет.

– Теперь есть Тина.

– У нее за спиной лишь Академия, – с тенью пренебрежения произнес мой компаньон.

Но я не согласилась:

– У других и того нет.

Поднявшись на ноги, я подошла к поверженному грамрлу. Твари разлагаются быстрее, их уничтожает энергия нашего мира. Но этот... Этот и правда разлагался слишком быстро. Мясо и чешуя практически шипели, испаряясь и отравляя воздух.

– Ты никогда не думала, что у Окраин было бы меньше проблем и больше золота, если бы...

Гамильтон замялся, но я, подняв взгляд от трупа чудовища, продолжила за него:

– Если бы мы возглавили добычу ингредиентов? Во-первых, ни на что хорошее и действительно полезное куски тварей не идут. Хотя нет, это во-вторых, а во-первых – Окраины притянули бы к себе негодяев и мерзавцев всех мастей. Я бы не хотела, чтобы мой дом превратился в преступный притон. Вспомни, что было с чихрановыми болотами? Больше того,

сейчас там тоже все не слишком-то спокойно.

Мой компаньон потянулся:

– Согласен. Я просто хотел проверить твои мыслительные способности.

Отвернувшись от костяного остова пауко-змея, я посмотрела на Гамильтона:

– Что?

– Твоя реакция замедлена, – мой компаньон серьезно на меня посмотрел, – хотел бы я знать почему.

– Я знаю, – вздохнула я. – Спокойная жизнь в столице, отбор, отсутствие тренировок и сушки.

Гамильтон смущенно засопел:

– Ну ты это, не забывай делить мои слова на десять. И потом, невысказано, чтобы ты настолько просела в скорости за пару месяцев.

– Других вариантов у меня нет. Идем.

В траве под ногами похрустывали мелкие косточки, чешуйки и прочее ненужное сборщикам добро, оставшееся от недоразложившихся тварей. Это был настолько привычный звук, что его внезапное исчезновение насторожило.

Вокруг портала была раскинута сигналка. Слабенькая, очень слабенькая сигнальная нить. Неужели черные сборщики не могут позволить себе толкового колдуна?

– Скорее, не хотят привлечь внимание. Сама знаешь, что отряды нет-нет да и заворачивают к развалинам. То костер, то на ночь остановиться. А то и просто так, – проворчал Га-

мильтон и ловко перепрыгнул нить.

Я же прыгать не стала, а просто перешагнула, чтобы через мгновение оторопело застыть.

– Бумага? – поперхнулась я и присела на колени, чтобы убедиться, что трещины в основании стационарного портала были заклеены тонкой бумагой.

– А что, так можно было?! – взвыл мой компаньон.

А после Гамильтон, сев на круглую жопку, поскреб за ухом задней лапой. А это, между прочим, то, чего он всегда старался избегать!

– Я, мгом, поражен, – выдохнул в итоге мой компаньон.

Подав магию к глазам, я коротко выдохнула: бумага оказалась пропитана магией. Очень странной магией.

– Империя Штормов, – рыкнул Гамильтон. – Их работа.

– Но это не магия, – я провела ладонью по бумаге, – это что-то иное.

– Они называют это духовной силой. – Мой компаньон тяжело вздохнул. – Вообще, на самом деле Империя Штормов находится вне твоего мира, Мина. Они соединены с вами большой водой, но....

– Антинаучный бред, если верить нашим профессорам, – невесело произнесла я и попыталась отклеить бумагу.

– Меня мало волнуют твои профессора, – серьезно ответил мой компаньон. – Ты мне веришь?

– Да, – коротко произнесла я. – Как иначе-то?

Отклеить бумагу не удалось. Ну и ладно, будто нам слож-

но новые трещины набить!

– Сложно, – отдуваясь, произнес Гамильтон.

– Сложно, – согласилась я и тут же добавила: – Но возможно.

Итогом наших стараний стала не просто трещина, а отколотый кусок, который Гамильтон отнес к ловушкам.

– Теперь к Храму. – Я протянула Гамильтону руки, на что он фыркнул:

– Смысл идти обратно через защитную полосу, если мы так и так собираемся в Гиблую Рощу? А она вон колосится.

Он кивнул в сторону темнеющей гряды деревьев. И я была вынуждена согласиться, хотя если бы мы пошли старой дорогой, то... То мне было бы спокойней. Что я и сказала компаньону.

– А мне – нет, – отрезал он. – Сколько сил осталось у тебя в ожерелье? А сколько сил ты потратишь, высматривая ловушки? Они ведь смещаются, понемногу, но в совершенно хаотичном порядке.

Положив руку на грудь, я только вздохнула. Проверять запас не хочется: долгий путь, многочисленное колдовство, ловушка, да еще и бой с грамрлом!

Запустив слабенький импульс, я подождала отклика и...

– Это невозможно!

Ожерелье было переполнено силой так, будто я ни капли оттуда не вытянула.

– Пауза слишком затянулась, – сердито произнес Гамиль-

тон, – уже даже луна из-за облака выглянула.

– Ожерелье полно магии, – тихо сказала я. – Но как? Я не чувствую силу. Только руки все леденеют и леденеют.

Гамильтон помолчал, а затем глубокомысленно изрек:

– Значит, дело в голове, а не в силе.

– Ч-что?

– Единственный вариант, при котором твое ожерелье может быть все так же заполнено силой, – это тот вариант, где ты колдуешь не думая. Черпаешь силу, не заикливаясь на том, что ты можешь, а что нет. Значит, проблема рассинхронна силы в голове.

– Ты намекаешь, что завершение отбора так по мне ударило, что я связь с магией потеряла? – оторопела я. – Это, знаешь ли, обидно. Я не какая-то там...

Дыхание перехватило, и я не смогла даже продолжить фразу.

– Если у тебя есть другое объяснение, то вот тебе мои уши, – фыркнул Гамильтон.

– Я хочу верить, что это моя завершающая потеря силы, – уклончиво отозвалась я. – Колдун из Тамитиканы так и сказал: ждите, само пройдет.

– Положим, не совсем так, но суть передана верно. Что ж, тогда прошу на бок высокоскоростного бассет-мобиля.

Поперхнувшись смешком, я запрыгнула на увеличившегося в размерах Гамильтона. Не представляю себе этот «скоростной мобиль», но хочется верить, что он лучше, чем по-

рох, про который мне также рассказывал мой компаньон-путешественник.

Луна медленно продвигалась по небосклону, подсвечивала острые травинки и укутывала выбеленные ветром останки тварей в густой тени.

«Еще немного, и рассветет, – пронеслось у меня в голове. – Звезды уже едва видны».

– Ох ты ж, – буркнул Гамильтон и остановился так резко, что даже у меня челюсть клацнула.

Гиблая Роща началась неожиданно. Она темнела где-то впереди и все никак не хотела приближаться. Мы проскакивали мимо одиноких кустов и тощих изломанных деревьев. Проскакивали-проскакивали и оказались перед буреломом.

– Возьмем левее, – буркнул Гамильтон, – там, кажется, есть проход.

«Проходом» оказался кусок старой тропки – очевидно, эта дорожка когда-то вела к Храму. Пусть не подъездная аллея, но все же мощеный путь. Путь, устоявший перед Рощей.

Игривая луна, скользя за нами следом, посеребрила огромную паутину, в центре которой застыл выцветший бумажный журавлик.

Говорят, были те, кого не успели эвакуировать.

Говорят, их объявили «нечистыми» и запретили им пересекать границы.

Говорят... Правду говорят на самом деле. Именно тогда Окраины откололись: мы приняли попавших под удар людей

к себе. Чтобы через столетие вернуться под руку Правителя на своих условиях.

Почему? О, потому что окраинные мастера пришли отсюда. Здесь они жили и творили до тех пор, пока не оказались под ударом. Именно поэтому ни один из мастеров не захотел покидать Окраины: прощение – сложная вещь.

– Тебя никогда сюда не тянуло? – с интересом спросил Гамильтон.

– Нет, – честно сказала я. – Как так вышло, что я мастер окраинной стали – неизвестно. Хочется верить, что папа...

– Барон был твоим отцом, а твоя мать так до сих пор твоя мать, – проворчал Гамильтон. – Я такие вещи чую даже не носом, а... Не знаю чем. Но никогда не ошибаюсь.

Медленно выдохнув, я чуть повеселела. На самом деле, хоть я и не позволяла себе задуматься, но... Среди Фоули-Штоттен не было мастеров окраинной стали!

«Или они брали другие фамилии, – пришла неожиданная мыслишка. – Может, мастер Дейтор не просто друг, а брат моего отца? Тогда становится понятно, отчего они настолько друг другу доверяли».

Шаг за шагом мы вышли к Храму. Я бросила несколько поисковых импульсов и невольно отметила, что силу черпаю из ожерелья.

– Впереди справа странный отклик, – шепнула я.

Мертвая тишина Гиблой Рощи давила на уши. Каждое движение, тщательно выверенное, отработанное, отзывалось

сотней шорохов. Или мне это только казалось?

Наверное, казалось, ведь к черным сборщикам мы смогли подобраться незамеченными...

Впервые в жизни мне довелось увидеть их за работой. Трое мужчин быстро и слаженно разделявали тушу огромного такпачи. Лунного света была недостаточно, и мне на мгновение показалось, что это грамрл. Из-за змеинового хвоста, не иначе. Однако же уже в следующую секунду я увидела огромные витые рога и опознала такпачи. Знатная добыча – стружка для сильнейших ядов, от которых до сих пор нет антидота. Шкура на антимагические ремни и внутренности для нескольких, безусловно запрещенных зелий. Потянет не несколько тысяч монет.

«Полагаю, они будут сражаться не за свои жизни, а за добычу», – хмыкнула я про себя.

И немного успокоилась: таинственный свет был объяснен довольно обыденным явлением. Увы, черные сборщики как муравью: только вроде уничтожил муравейник, ан нет, вон он, под спелой сливой!

Весь вопрос в том, что делать: уйти и передать информацию бойцам, защищающим границы? Остаться и вступить в бой? Пленить и доставить в крепость?

Уходить нельзя. Уйти означает обречь на смерть больше сотни человек: рога большие, яда получится предостаточно.

Но что я могу? Меня не учили сражаться с людьми, только с тварями...

Гамильтон рядом, прижимается ко мне всем телом и молчит. Правильно, разговор может привлечь к нам внимание, а это сейчас лишнее.

И тут в голову приходит непрошеное воспоминание о том, как я создавала ту вилку, что забрал себе Гамильтон. Мысль еще не успевает оформиться, как мир принимает решение за меня.

Не выбрала вовремя? Теперь выберут за тебя...

Один из сборщиков неудачно потянул за рог, и тот надломился, испустив из себя яркую световую вспышку. Она не ослепила нас с Гамильтоном, но несколько бликов проскочили по шитью моего корсета. По пристегнутому к бедру клинку. По... Да какая разница, главное, что мы оказались на виду!

«...!» – промелькнуло у меня в голове, когда я перекатом уходила в сторону от чего-то, брошенного со стороны сборщиков.

И не зря уходила! В землю, где мы с Гамильтоном лежали секунду назад, ударил флакон, из которого выплеснулось яркое пламя.

– Варм, что там? – свистящий шепот одного из сборщиков вспорол тишину.

– Тварь какая-то, – ответил тот, что так неудачно вытянул рог такпачи.

– Повезло, – хохотнул кто-то из темноты. – Убивай аккуратно, а то опять не разделаем.

Варм неловко потер шею и посмотрел вправо и вверх. И оттуда пришел ответ от четвертого члена группы:

– Нам вдвойне повезло. Не тварь, а баба молодая. И навар, и развлечение!

Они разом сбросили напряжение, захохотали, а Варм, бросив осколок рога на землю, направился к камню:

– Цып-цып-цып.

Скрываться дальше не имело смысла, и я, задвинув поглубже страх и неуверенность, встала. Выпрямившись, коротко произнесла:

– Не баба.

– Так оно и лучше. – У Варма оказались гнилые зубы и на редкость противные мелкие глаза. – Оно и лучше, да. Это что?!

А я знала, что он видит: за моей спиной возвышался огромный, донельзя сердитый Генерал Пес. Страх, свернувшийся на дне души, заполошно пискнул и растаял. Нельзя бояться, когда есть такая защита.

– Ничего, – цокнул Варм, – и не таких валили. Эй!

Одно заклятье, и вокруг сборщика формируется мой лучший, мой коронный сферический щит! Родственник того, каким меня укутывал Кристоф, но... Переучить меня невозможно, и потому мое заклятье защищает меня от того, что заключено внутри.

Раз-два, и двойка сборщиков тоже в сфере – все это заняло меньше минуты. Хотя мне казалось, что прошла целая

вечность!

– Идиотка! Ты разбудила его!

Кто бы ни скрывался справа, он решил убежать. Бросил своих товарищей, хотя присущи ли сборщикам хоть какие-то человеческие качества?

– Они что, молятся? – недоуменно спросил Гамильтон, не торопившийся уменьшаться в размерах.

– Сама удивлена, – оторопело ответила я, увидев, что и Варм, и два его дружка стоят на коленях и раскачиваются из стороны в сторону. Надо бы поймать их товарища.

Гамильтон к чему-то прислушался, а после с легким оттенком грусти произнес:

– Не надо. Он ушел недалеко – я слышал звук рвущейся плоти и хруст ломающихся костей.

Раздавшийся следом оглушительный рев едва не заставил плакать и меня. Как же так?! Почему никто об этом не знал?!

– Хватун, – мрачно вздохнул Гамильтон, – почему никто об этом не знал? Можно было назвать рощу не Гиблой, а, я не знаю, хватунской. И всем было бы все понятно.

– Почему его не разбудили мои поисковые импульсы?

– Потому что вокруг Рощи выставлена защита от внешней магии, дура, – радостно оскалился мой компаньон.

– Чего?

– Это я по губам читаю, – оскалился Гамильтон. – Если нам суждено умереть, то я в целом был удовлетворен годами, проведенными с тобой.

Моргнув, я перевела все это с песьего на человеческий, а после пылко произнесла:

– И я тебя люблю! Сильно-сильно!

Гамильтон, шумно вздохнув, боднул меня головой в плечо, и, надо признать, я едва устояла на ногах.

– Надо убрать этих, – он кивнул на мои защитные сферы, – и знаешь, если ты планируешь сделать из них столовые приборы... Подари Тине и Марону.

Коротко рассмеявшись, я влила в щиты еще немного силы и левитировала сборщиков в сторону, под прикрытие деревьев.

– Он доел, – сдержанно оповестил меня Гамильтон. – Уходи к храму. Арбалет с тобой?

– Разумеется, – мой голос дрогнул.

Я не могла не понимать, о чем говорит мой компаньон. И это пугало. Хотелось возразить, придумать некий лучший план, но... Во-первых, у Генерала была прорва опыта. А во-вторых, другого пути нет. Пока Гамильтон держит хватуна на расстоянии, я смогу нашипиговать тварь ледяной сталью.

Вот только раны, нанесенные хватуном, неисцелимы. Вот только магия на хватуна не действует. Вот только...

– Я не могу даже посчитать, во сколько раз я тебя старше, – буркнул Гамильтон.

– Замолчи, – огрызнулась я, утирая слезы, – это, знаешь ли, ни разу не аргумент.

– Он приближается...

Остаток фразы Гамильтона потерялся в оглушительном рёве. Тварь вновь взяла след и сейчас стремительно неслась к нам.

Взлетев по ступеням храма, я толкнула покосившуюся дверь. Нет времени подниматься выше, искать окно или балкон. Я просто встану здесь, в глубокой тени.

Подготовить арбалет дело нескольких секунд. У хватуна нет уязвимых мест: его длинное тонкое тело покрыто плотной броней, пробить которую может лишь ледяная сталь.

Торжествующий рев: он близко.

Гамильтон, стоящий в центре открытого пространства, на мгновение припадает к земле, чтобы после подняться на лапы Генералом. Грудину, живот и спину прикрывает пластинчатый доспех. На шее железный ошейник, щерящийся на мир длинными острыми иглами. И не узнать холодный блеск ледяной стали невозможно!

«— На хватуна ходят отрядами в десять-двенадцать человек, — прозвучал в голове голос дядьки Митара. — Хорошо, что эти твари редко у нас появляются.

— Значит, встретив хватуна, разведчик должен сбежать? Чтобы предупредить? — спросила я и поерзала на скамейке, пока тетушка Тария заплетала мне волосы.

— Встретив хватуна, разведчик должен оставить метку и умереть в бою, — вздохнул дядька Митар. — Сбежать от этой твари невозможно: длинное тело, сильные задние лапы, позволяющие ему прыгать, и мощные передние, оснащенные не

только острыми, с мой локоть, когтями, но и присосками. Тот, кто попал хватуну на коготь, домой не вернется... Ай!

– Она девочка! – тетушка Тария рассердилась. – Ей в куклы играть надо, а вы устроили тут!

– У барона других детей не будет, – скупно бросил дядька Митар. – Пойдешь со мной на полигон?

– А можно?! – Моему восторгу не было предела.

– Нужно, – усмехнулся дядька Митар».

Короткое, пропитанное луговым медом воспоминание пришло и тут же ушло.

Митар о многом умолчал. Например, он не сказал о том, что тварь прыгает. О том, что присоски выстреливают из ее лап.

«Не спи».

Выстрел.

Визг. На один глаз меньше.

Перезарядить.

Выстрел.

Промах, будь ты проклята, Вильгельмина.

Сдавленный рык Гамильтона: тварь задела его когтем, но крови, слава богам, нет.

Перезарядить.

Выстрел.

Есть попадание – одной лапы тварь лишилась.

Перезарядить и...

– Мина, уходи!

Тварь летит ко мне. Я вскидываю арбалет, выцеливаю горящий ненавистью и страхом глаз и... Руки наливаются теплотой, пальцы немеют, и арбалет, выпустив стрелку в молоко, медленно-медленно падает вниз.

Вот и все. Интересно, я имею право встретить смерть с закрытыми глазами?

«Не имею», – мелькнула в голове короткая мысль. Не имею!

Я буду сраж...

– Дзин-нь!

Тварь, летевшая ко мне, ударилась о зеркальный щит, развернутый прямо передо мной!

Что?!

Удар! Удар! Удар! Она пытается пробить собой щит, но он становится лишь крепче!

Свирепо зарывчав, хватун резко разворачивается и бросается к Гамильтону.

– Справа! – рявкнул кому-то Гамильтон. – Щит убери, у Мины арбалет.

Не давая себе расслабиться, я зарядила арбалет и сейчас с нетерпением ожидала, когда спадет щит. Страх нет, он вернется позже.

Неясное движение, и я вижу: там, в неверном лунном свете, рядом с Гамильтоном сражается высокий широкоплечий мужчина. Мужчина в уж-жасно знакомом плаще с глубочайшим капюшоном. И не только капюшоном – левую руку по-

кальвает от количества маскирующих чар, а ведь Кристоф находится достаточно далеко от меня!

С музыкальным шелестом щит осыпается вниз, и я тут же скидываю арбалет. Теперь сложнее: одна цель и две беспрестанно перемещающиеся помехи, попадать в которые никак нельзя! Особенно учитывая, что с Кристофом мы не отрабатывали связку стрелок-боец.

Кристоф отскакивает в сторону, Гамильтон его прикрывает, и голова хватуна открыта для выстрела!

Щелчок! Яростный визг, но арбалетная стрелка лишь царапает морду твари.

Вдох-выдох.

Найти точку покоя, неспешно поднять арбалет. Спустить крючок. И...

– Молодец! – рявкнул Гамильтон.

Ослепленная тварь – побежденная тварь. Я облегченно выдыхаю и сажусь прямо на ступени. Теперь можно просто полюбоваться тем, как быстро и красиво будет добита тварь.

Медленно складывая арбалетные плечи, я смотрела, как Гамильтон всем весом рухнул на хватуна, прижимая его к земле. И как Кристоф, чуть рисуясь, пробивает голову твари клинком.

«Представляю, сколько магии пришлось влить в мышцы и как потом будет больно», – подумала я и встала. Приладив арбалет обратно на петельку, я пошла вперед.

Сражение завершено, и впереди самая унылая часть – со-

брать арбалетные стрелки. Увы, пока неясно, когда именно я смогу серьезно пополнить крепостной арсенал. Так что не время рассыпать боеприпасы!

– Мина, – позвал меня Кристоф, но...

Но я сделала вид, что поглощена своим занятием. Да и кто бы отвлекался, вытаскивая арбалетную стрелку, глубоко засевшую в глазнице твари?

– Мерзость, – не сдержалась я и взялась за вторую.

Мне нужно было время. Придумать, что сказать, придумать, как себя вести. А тут еще и пальцы плохо гнутся, как будто мне мало поселившегося во мне холода!

– Я не успевал предупредить тебя, – глухо произнес Кристоф. – Выбирая между твоей жизнью и твоим же доверием, я... Я выбрал жизнь.

– Чавк. – Стрелка покинула глазницу твари.

– Спасибо, я очень ценю свою жизнь, – сказала я, разворачиваясь к Кристофу лицом.

– Я заметил. – Он кивнул на хватуна. – Что ты делаешь за пределами крепости?

– Как много ты знаешь об обязанностях окраинных баронов? – нахмурилась я.

Кристоф склонил голову:

– Достаточно, чтобы понимать...

– Чтобы понимать, что мое место именно здесь, – отрезала я. – Или ты думал, что я правильно выйду замуж и вручу жизни своих людей неизвестно кому?

В голос прорывались обида и злость. Горечь разъедала душу, и что-то темное, что-то яростное требовало обрушиться на голову Кристофа всю скопившуюся боль.

– Так делают в столице, – в разговор вальяжно вступил Гамильтон. – Тебе невыносима мысль о том, что Вильгельмина подвергает себя опасности. Но это наша жизнь. Та, к которой мы привыкли. Так, к которой мы готовы.

– Окраинная баронесса не жена барона, – ровно произнесла я.

На скулах Кристофа вздулись желваки. Мог бы получить-ся красивый и яркий скандал, но я предпочла заняться сборщиками.

– Ха, кому-то нужны новые штанишки, – радостно заржал Гамильтон, когда я подтянула к себе сферы с людьми.

– Да уж, – усмехнулась я, – экие робкие. Ничего, Митару добавится работы. Кристоф, ты, я так полагаю, прибыл осмотреть стационарный портал?

Он повернулся ко мне и криво улыбнулся:

– Я пришел, чтобы защитить тебя.

Больше всего на свете, я хотела бросить едкое: «И без тебя бы справилась», но... Но я слишком хорошо понимала, что смерть стояла прямо напротив меня.

– Благодарю. Боюсь, что со мной и правда что-то крепко не так: я сплеховала в этом бою.

– Мне прекрасно известно, сколько магов требуется, чтобы завалить хватуна, – Кристоф не удержал злые нотки в го-

лосе.

– Мне тоже, – покивала я, сжимая и разжимая кулак. – Беда в том, что никто не знал о хватуне.

Пальцы слушались, но сейчас, зная, на что обращать внимание, я замечала, что все мои движения серьезно замедлены.

Обменявшись с Гамильтоном взглядами, я коротко выдохнула:

– Выдвигаемся.

Сборщиков связали тонкой прочной веревкой, конец которой Гамильтон взял в пасть. И он, шерстяной предатель, неспешно потрусил вперед, оставив нас с Кристофом замыкающими.

Мы шли молча. Тишину разбавляло лишь похрустывание крошащихся останков, что скрывались в густой траве.

Подумать только, сколько лет черные сборщики использовали хватуна, чтобы скрыть себя и свои делишки?

– Я хотел, чтобы ты была в безопасности, – тихо произнес Кристоф. – Хотел избавить тебя от проблем. Ты была втянута в отбор лишь из-за дурной традиции. Традиции, которая давно устарела.

– Так ли это важно теперь? – хмуро спросила я, таращась в спину сборщика.

– Ты важна для меня.

Я чувствовала, что он смотрит прямо на меня, и... И не находила в себе сил на ответный взгляд.

«Ты мог прислать записку, намекнуть», – подумала я, но вслух произнесла совсем другое:

– Ты продвинулся в своем расследовании? Человек с проклятым клинком открыл портал здесь, где естественная защита нашего мира больше похожа на дорогой сыр.

– Дорогой сыр?

– С дырками, – я пожала плечами, – и плесенью.

Кристоф усмехнулся, а я шла и думала о том, что, возможно, нам придется поспорить из-за пленников. Не просто же так все совпало: такпачи – очень редкая тварь. Настолько редкая, что, пожалуй, добыть ее можно было только при помощи проклятого клинка! И я не готова отдать Кристофу сборщиков.

– Небо светлеет, – небрежно бросил Кристоф. – Ты позволишь мне задержаться в баронстве?

– А я могу не позволить?

– Ты окраинная баронесса, а я лишен и титула, и права называть себя Рентийским, – он усмехнулся, – меня отрекли от семьи.

– Тебя это веселит?

– Весьма, – он усмехнулся, – мне развязали руки. Так что, я могу остаться?

Он улыбался, а я... Я ненавидела себя за то, как сильно мне нравится его улыбка.

Внезапно небо расцвело яркими искрами.

– Это сигнальные огни? – удивился Кристоф.

– Да, – я настоороженно нахмурилась, – это цвета Митара.

У каждого отряда свой цвет.

Кристоф осторожно перехватил меня за руку и потянул назад, отводя себе за спину. И этот простой, но полный нежности жест едва не довел меня до слёз!

Слёз, которые через мгновение сменились приступом удушью злости. Полной и всеобъемлющей настолько, что я лишь плотно стиснула зубы, чтобы, не приведи Боги, ничего не ляпнуть.

Почему? Потому что я ясно понимала, что это не мое.

– Мина! – голос Митара я узнала сразу же. – Мина!

– Надеюсь, в баронстве ничего не случилось, – медленно произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно.

Кристоф обернулся и бросил на меня полный недоумения взгляд:

– Ты сердита?

– Нет, – я растянула губы в улыбке, – все в порядке.

Взгляд Кристофа стал еще более удивленным:

– Ты имеешь право злиться, и я не хотел бы, чтобы ты сдерживала эмоции. Не нужно притворяться из-за меня.

Виски сдавило стальным обручем, внутри клокотала совершенно нечеловеческая, ненормальная ярость, но ответить я не успела: ко мне подлетел Митар и схватил за плечи.

– Ты цела?!

Удушью злость сменилась бескрайним удивлением, но отвечать я по-прежнему была не способна: Митар пытал-

ся диагностировать меня, и его сила вносила жуткий диссонанс в мой и без того беспокойный внутренний мир.

– Что случилось? – спросил Кристоф, привлекая внимание Митара.

– О, кхм, даже непонятно, как к тебе обращаться, – усмехнулся старый воин. – Ты спас нашу девочку?

«Девочку? – удивилась я про себя, вспоминая, что последние дни Митар был подчеркнуто почтителен. – Значит, произошло что-то серьезное».

– Мы заметили огни в Гиблой роще, – скупо произнесла я, касаясь плеча Митара, – там были черные сборщики и такпачи. Мы вступили с ними в бой и выяснили, что в роще логово хватуна.

Митар покачнулся и, подняв голову к светлеющему небу, коротко, но прочувствованно выругался.

– Кристоф появился очень вовремя, – я опустила голову, – скорость реакции подвела как в бою с грамрлом, так и в сражении с хватуном.

Один из сборщиков сплюнул на траву и процедил себе под нос что-то вроде того, что ему бы и половины моих умений хватило. Я решила это игнорировать.

– Почему ты собрал отряд, Митар? – Я нахмурилась. – Что-то случилось?

Митар, бледный до прозелени, покачнулся вперед и сжал меня в объятиях.

– Диверсия, Мина. Страшная диверсия.

Трепыхаться в объятиях старого бойца сложно, но я пыталась: во-первых, хотелось дышать, во-вторых, хотелось знать, что за диверсия!

Перед моим мысленным взором встала разрушенная крепостная стена. Затем мелькнула другая мысль: могли быть разрушены наши орудийные башни. Если завеса мира рухнет, то встречать тварей нам, а без орудий... Нас сметут слишком быстро!

– Я всегда, всегда буду есть сладости, – выдал внезапно Митар, чем поразил меня до глубины души. – И свои, и твои.

Ведь он всегда отдавал свою порцию либо мне, либо Тарии – в зависимости от того, с кем чаевничал. Да и при чем здесь это?!

– Я согласна до конца жизни отдавать тебе сладости, – я выпуталась из объятий Митара, – если мне уже хоть что-нибудь объяснят!

– Нормально, – рядом нарисовался Гамильтон, – нормально так, только отлучился пленных передать, а тут уже сладкое делят! Без меня, что характерно.

Гамильтон был не столько сердит, сколько обеспокоен и позабавлен одновременно. Но Митар, увы, его веселья не разделял:

– Тария купила на рынке мешок отравленного сахара.

У меня сердце оборвалось:

– Она жива?!

– Да, – Митар кивнул, – твоя подруга настоящее сокрови-

ще: она спасла мою жену.

Сочувственный, скорбный взгляд старого мага скользнул по мне. Он ссутулился и опустил глаза:

– То варенье, что я отдал тебе... И печенье, которое она приносила в твой дом, – все это было приготовлено с коричневым сахаром. Сахаром, с которым был смешан синевельник.

Кристоф сдавленно выругался, я же удивленно переспросила:

– Синевельник? Ну и что, он просто красит руки и одежду, ну губы еще в синий покрасить может. Он же вкусный, как мед.

– То-то вас, детей, от него гоняли, – проворчал Митар.

– Вы не уничтожали синевельник?! – в голосе Кристофа было столько неверия, что я поневоле задумалась о своих скудных знаниях в отношении трав и ягод.

– Он полезен во многих отварах, – сердито отозвался старый маг, – тоники из него опять же делаем. Да и что страшного? Человеческому зубу зернышки синевельника нипочем не раскусить! В каком виде заходят, в таком и выходят.

– Можно мне, пожалуйста, чуть больше контекста, – обозлилась я.

– Зернышки синевельника размером с песчинку, – устало произнес Кристоф, – они крепки настолько, что людям и правда их не перетереть зубами. Но если размолоть синевельник в пыль, то получится страшный растительный яд.

Убивает надежно и без каких-либо подозрений – человек просто теряет концентрацию, ослабляется внимание, уходит контроль над эмоциями. Последняя стадия – утрата скорости реакций. В ряде случаев последствия отравления необратимы.

Подняв руку, я медленно сжала и разжала кулак.

Последствия. Необратимы?

– Выпей это. Подругу твою мы с собой не взяли. – К нам подошел Гроза Леса, у которого поперек лица шло четыре кровавые полосы. – Она рассердилась, но после недолгих переговоров согласилась передать тебе зелья и словесное напутствие.

– Напутствие не надо, – поспешно сказала я.

– Хорошо, – молодой маг протянул мне сверток, – там все подписано.

Одно за другим я опрокидывала в себя зелья и думала-думала-думала.

– Мы ведь все друг друга знаем, – тихо сказала я и вытерла губы, пытаясь избавиться от неприятной горечи, оставшейся на них.

– Вы нашли торговца? – одновременно со мной спросил Кристоф, чья рука легла на мою талию.

– Нашли, – Митар мрачно кивнул, – он повесился в своем доме. Полагаю, это ясно говорит о том, что он знал, что делал.

– И о том, что его шантажировали, – согласилась я. – Но

чем?

– У него были дети. – Гроза Леса забрал у меня пустые флаконы. – Идем. Чем быстрее доберемся до крепости, тем...

– Тогда уж скачем, – рыкнул Гамильтон, до того стоявший подозрительно тихо, – пешком вы будете плестись несколько часов, а я домчу ее за считанные минуты.

– Синие ногти, – в неверном лунном свете я рассматривала свои руки, – у отца они тоже были синими.

– Он всегда брал с собой печенье с синевельником, – тихо сказал Митар, – запеченный синевельник теряет свой яд и остается просто синей сладкой ягодой.

Я посмотрела Митару в глаза.

– Может, и так, может, и так.

Больше я не сказала ничего, но старый маг меня понял. Кто-то ловко убрал барона, а после, буквально через пару лет, решил так же убрать и дочь. Вот и свет в Гиблой Роще – чтобы заманить к черным сборщикам. Иначе с чего бы им вести себя так неосмотрительно?

– Мина, не время думать, время к целителям торопиться. – Гамильтон сердито толкнул меня плечом. – Давай запрыгивай!

Но я не успела и дернуться, как Кристоф коснулся моего плеча:

– Ты не забыла про леди змейку?

– Я помню, – настороженно ответила я, – но раз она не

открыла портал из Гиблой Роши, значит, она либо не с тобой, либо не может использовать магию.

На что бывший Правитель покаянно ответил:

– Я просто хотел провести с тобой немного времени. Митар, если я не ошибаюсь, вас так зовут, верно? Мы встречались у подножия Хальмы.

– Дважды встречались, – усмехнулся старый маг, – и вы не ошибаетесь.

– Прошу всех в портал. – Кристоф поднял руку, и из-под края его рукава показалась сонная и сердитая змейка:

– С-с-с-с, прош-шу.

– Она линяет, – одними губами сказал Кристоф, – взрослеет и становится сильнее. И ядовитей.

– Ядовитей – это хорошо, – промурлыкал Гамильтон.

Первым в портал прошел Митар, следом за ним Гроза Ле-са. Затем впихнули сборщиков, после них оставшиеся бойцы.

– Почему ты не открыла портал из Гиблой Роши? Почему ты рискнула и вступила в схватку с хватуном? – Кристоф придержал меня за локоть.

– После того как ты попрощался со мной на отборе, – я хмуро посмотрела ему в глаза, – у меня исчезла магия.

Я недоговаривала, ведь сила не ушла, а лишь потерялась внутри меня. Да и этой ночью получалось колдовать, но... Сейчас не время для подробностей.

– Мина...

Прикусив губу, я коснулась лоснящегося бока Гамильтона и тихо произнесла:

– Ты сохранишь это в секрете, если... Если захочешь.

Кристоф был в ярости, но, смирив гнев, он глухо произнес:

– А если не сохраню, то попрощаюсь с тобой раз и навсегда.

– Верно, – Гамильтон оскалил клыки в дружелюбной улыбке, – доверие – оно такое, хрупкое.

– Я беспокоюсь за твою жизнь. – Кристоф отпустил мой локоть.

А я нашла в себе силы дипломатично произнести:

– Сейчас не то время, мои эмоции вышли из-под контроля. Мне бы не хотелось сказать или сделать что-то такое, о чем придется пожалеть.

Вымучив из себя улыбку, я решительно шагнула в портал, чтобы выйти на улице кузнецов. Какой странный выбор для портала... Но, очевидно, Кристоф не все здесь знает.

– А вот теперь точно запрыгивай, готов поспорить, что наша Тина уже ковер в своем кабинетике протоптала, – рыкнул Гамильтон.

Согласно угукнув, я запрыгнула на спину своего компаньона и, прижавшись лицом к жесткой шерсти, на мгновение крепко зажмурилась. Чтобы уже через секунду горделиво выпрямиться.

Никто не должен понять, что мне плохо и страшно. Никто.

«Хотя от друзей не утаить», – пронеслось у меня в голове, когда уставшая и злая подруга выставляла передо мной батарею баночек.

– Я сходила с ума, представляя, как ты не успеваешь поднять щит, – ворчала Тина. – Садилась в кресло – и бац! Меня накрывало видением того, как ты неправильно доворачиваешь кисть и пульсар взрывается у тебя в ладони, а не...

Тина махнула рукой и без сил опустилась на софу напротив меня.

– Что происходит, Мина? – с тоской спросила она. – Почему весь мир ополчился против тебя?

Поперхнувшись очередным гадким зельем, я возмущенно прошипела:

– Не надо весь мир! Просто какая-то пакость рассчитывает подобрать под себя баронство.

– Да на кой оно?! – взывала Тина. – Мне нравится здесь, но вместе с тем меня греет мысль, что моя семья живет в безопасной столице! Да я таких ран...

Она не договорила, но я понимала: здесь твари слишком реальны. Слишком близки. Здесь не только бойцы видели эту дрянь, здесь к целителям поступают раненые дети. Просто потому, что кто-то решил, что стоит сходить за ягодами без взрослых. Или весенний ручеек заманил кораблик слишком далеко. Или... Да мало ли какие причины у детей, чтобы быть детьми? Даже в нашем суровом краю дети беззаботны и не думают о смерти.

– А представь, что я налажу прямой контакт со сборщиками, – я коснулась ее руки, – представь, сколько будет золотых монет. Превратить наш край в кошмар можно очень и очень легко. Достаточно начать промышлять тварями, а не уничтожать их. И, клянусь тебе, куш велик настолько, что какой-нибудь столичный лордик мог бы и соблазниться.

– Для этого ему нужен сообщник здесь, – тихо сказала Мина.

– И это самое мерзкое из того, что произошло за сегодняшний день, – кивнула я и допила последний флакон. – Это все?

– Да, теперь тебя ждет мерзотнейшая ванна. Тария уже оценила, теперь и ты попробуешь.

– За что?! – Если Тина говорит «мерзотнейшая», то я-то и вовсе с ума сойду!

– За то, что яд уже в твоём теле, а не только в желудке. Мы будем вытягивать микрочастички яда через поры твоей кожи. Обещаю, тебе не понравится.

«Давно пора привыкнуть, что у Тины слова с делом не расходятся», – подумала я и тяжело вздохнула.

Черная жижа была густой настолько, что я не могла пошевелить даже мизинцем. А еще по ней время от времени пробегала рябь – Тина уточнила, что так и должно быть.

– Мне запретили составлять тебе компанию, – голос Гамильтона стал для меня полной неожиданностью.

– Или попытались? – усмехнулась я, не способная и голову

повернуть.

– Или попытались, – согласился мой компаньон. – Я отвел Кристофа в наш дом.

– Там же нет гостевой спальни! – возмутилась я.

– По-моему, он согласен на придверный коврик, – хмыкнул Гамильтон. – Но на самом деле я не удивлюсь, если он разобьет палатку во дворе.

Прикрыв глаза, я сердито выдохнула:

– Нелепость.

– Ты не злишься, – проницательно произнес мой компаньон. – Ты напугана.

– Ты пользуешься тем, что я не могу шевелиться, – проворчала я. – И не могу укубить тебя за ухо.

Ответа не последовало. Судя по топотушкам и шумному выдоху, кто-то удобно устраивался на кушетке для осмотра пациентов.

– Уверен, что она выдержит?

– Здесь все на боевых магов рассчитано, – буркнул Гамильтон.

Мы молчали, жижя рябила, неприятный больничный свет резал глаза. Все это плюс крайне неприятные ощущения от выходящего сквозь кожу яда мешали мне задремать.

Впрочем, с кушетки не доносилось ни храпа, ни сопения, а значит, Гамильтон тоже не спешил расслабляться.

– Отца убили, – произнесла я вслух то, что стало очевидным несколько часов назад.

– Меня не было тогда, – мягко напомнил Гамильтон, – но я всей душой тебе сочувствую.

– Спасибо. – Я прикрыла глаза, а потом продолжила: – Ты ведь тоже думаешь, что нас с Тарией отравил один и тот же человек?

– В силу своей природы внесу решительную правку: по приказу одного и того же человека, – фыркнул мой компаньон. – Я уверен. Слишком сложно, слишком долго и слишком тихо – кому-то нужна естественная смерть. Как барона, так и его дочери.

Я согласно кивнула. Точнее, попыталась. Но Тина утопила меня в жижу по самый подбородок, так что у меня получилось только судорожно дернуться.

– Тогда остается тот, кто ткнул в меня кинжалом, – я нахмурилась, – это не похоже на смерть по естественной причине.

Но Гамильтон не согласился:

– Очень похоже. Любовник твоей матери пытался тебя отравить. Я и тогда не был с тобой, но помню твои слова. Яблоко, верно?

– Редзийское, да, – я усмехнулась, – целое княжество вымерло из-за горе-скреживателей. Да, скандал тогда с трудом замяли, и если бы... Да, если бы я тогда погибла, это и правда могло всплыть.

– Этому помогли бы всплыть – раз, и два – его бы убили, якобы чтобы отомстить за твою смерть, – Гамильтон шумно

выдохнул, – а на деле – чтобы никто не смог допросить. Тебе нужно озадачить Кристофа.

– Чем? – удивилась я.

– Пусть вспомнит, не пытался ли кто-нибудь наложить лапу на баронство. Может, были заходы издалека, мол, надо бы помочь вдове воспитать дочь. Или что-то в этом роде.

– Ты гений.

– Я просто старше, – устало ответил мой компаньон. – И пусть мне бы и хотелось сказать, что в псовьем мире все живут душа в душу и нет интриг...

Он не договорил, только еще раз шумно вздохнул.

А я прикрыла глаза и все же смогла ненадолго задремать. Проснулась уже от голоса Тины: она что-то доливала в ванну, и черная жижка стремительно белела.

– Вот это и вот это будешь пить каждый день, утром и вечером. – Подруга посмотрела на меня, потом на Гамильтона и шкатулку с зельями передала ему. – Под твой контроль.

– Понял, принял, – кивнул он. – Все будет исполнено в лучшем виде.

– Сколько я проспала? – Двигаться было тяжело.

– Вон за той дверью обмывочная. – Тина еще и рукой показала.

– Может, душевая?

– Нет, – подруга качнула головой, – там мертвые тела от крови, зелий и всякого разного обмывают. Ну, у людей и так горе, не выдавать же им трупы грязными.

– А. Ясно. Но я ведь еще жива, не так ли?

– Палаты заняты, – Тина развела руками, – но если ты хочешь в общую душевую, то пойдем. Правда, она на другом этаже.

Кожа чесалась нестерпимо, так что я, махнув рукой на все, поспешила в обмывочную.

Ну, прямо скажем, это было непросто. Но мне удалось смыть с кожи остатки посветлевшей жижи, что немедленно привело меня в прекрасное расположение духа.

– Внизу тебя ждет Кристоф, – Тина хитро улыбнулась, – у его ног стоит корзина со сладостями.

Я ожидала новой вспышки злости, но... Кажется, тогда, в Гиблой Роще, я была права: та душная ярость принадлежала не мне. Точнее, это было последствием отравления.

«Ох, как же сейчас Тария? Я бы с ума сошла, если бы не только купила травленный сахар, но еще бы и всех им накормила», – пронеслось у меня в голове.

– Надо бы сегодня-завтра навестить Митара и Тарию, – сказала я, и Тина согласно кивнула:

– Да. Она как неживая была и просила ее не лечить. Говорила, что тебе нужней. А я устала объяснять, что для тебя жижа тоже настаивается. И что в тебе яда явно меньше!

Надев чистое – леди Ауэтари постаралась, – я наскоро переплела косу и поспешила вниз. Мне хотелось увидеть Кристофа. И спросить, у кого он позаимствовал окраинную сталь. Может, там еще осталось?

– Корзина со сладостями. – Гамильтон, уходивший на время всех гигиенически-переодевательных процедур, боднул меня головой. – Попробуй объяснить Кристофу, что тарталетки с лососевым паштетом – это скорейший путь к моему благорасположению.

– Мне казалось, что он хочет, мгм, благорасположить Мину, – хихикнула Тина.

– Но между ними стою я – нравственная опора, моральная поддержка и просто обаятельный, оголодавший представитель Псовьего Мира. – Гамильтон потянулся, встряхнулся и потрусил вперед. – Чую!

Дальше мы его уже и не видели: при необходимости он может развивать невероятную скорость.

– Могу предположить, что Кристоф принес взятку для твоей нравственной опоры, – фыркнула Тина.

– Он очень внимателен к деталям. – Я тяжело вздохнула. – Боюсь, что там, в Гиблой Роще, я была груба. Очень груба.

– Пф, – Тина закатила глаза, – он дежурил здесь, тряс меня на предмет необходимого. Я слышала что-то вроде: «Нет ничего, чего я бы не смог добыть, купить, украсть». Последнее пугает на самом деле.

– Я думаю, это было художественное преувеличение, – успокоила я подругу.

– Угу, угу, – покивала Тина. – Я не хочу лезть в ваши отношения, поскольку я оценила то, как ты ведешь себя со мной и Мароном. Но... Ты была разбита им вдребезги. Не то чтобы

я хотела, чтобы вы поссорились: у тебя горят глаза сейчас. Но умоляю, встряси из него все. Тебе самой станет легче, когда ты узнаешь, почему он не предупредил тебя.

Обняв подругу, я шепнула:

– Так и сделаю.

Тина не дала мне отстраниться и смущенно шепнула:

– И попробуй убедить его пройти обследование. У меня или в столице.

– А что? – Я с ужасом представила себе страшную рану, от которой Кристоф медленно умирает.

Подруга же, отстранившись, поделилась откровением:

– Он говорит со своим рукавом. Это может быть предвестником серьезного заболевания!

Поперхнувшись смешком, я рассказала Тине про леди Тиль-таэль и ее чудесные свойства.

– Ничего себе, – подруга присвистнула, – ничего себе. Хм.

– Боюсь, Гамильтон считает тебя частью своей стаи, и если он кому тебя и отдаст, то только одному из своих племянников, – я поспешила разочаровать ее.

– А я была бы рада, – поделилась подруга. – Один смышленный малыш погрыз, пока читал, половину моих конспектов. Майло, оказывается, очень хочет стать целителем. Но в Псовьем Мире этому обучают только девочек.

– Тогда, я думаю, ты просто обязана обсудить это с Гамильтоном, – пробормотала я и вышла из комнаты.

По дороге я пыталась вспомнить, был ли среди малышей

хоть один Майло. А после оставила эти бесплодные размышления: шилопопых хвостиков было слишком много. Так что, даже если я видела Майло, запомнить его не получилось.

Последний виток вычурной лестницы, и я оказываюсь прямо перед Кристофом. Он выглядел устало. Под глазами залегли тени, а между бровей застыла скорбная морщинка.

– Здравствуй, – он улыбнулся и протянул мне руку, – как ты?

Чуть не запнувшись, я все же смогла спуститься, а не скатиться по последним ступеням. На Кристофе простая, удобная и немаркая одежда. Любого другого аристократа она бы сделала незаметным, но он... Он выглядел настоящим, живым. Опытным магом и воином. И для меня это лучше любого бархата или шелка.

– Здравствуй, – выдохнула я. – Нормально. Способ лечения не понравился, но это и неудивительно.

– Митар требовал нас к себе, как только ты придешь в себя. – Кристоф сделал шаг вперед, и мы оказались непозволительно близко друг к другу.

Я вдыхала горьковатый аромат его туалетной воды и под шлейфом парфюма чувствовала и другие запахи. Нагретый металл, немного мяты и тонкая кофейная нотка.

– Полжизни за кофе, – ляпнула я, не успев поймать себя за кончик языка.

А он, ничуть не смутившись, расстегнул куртку и вытащил плоскую флягу.

– Кто-то носит коньяк, а кто-то всегда горячий и свежий кофе. Я, признаться, стал немного зависим от этого напитка.

– Мне еще не доводилось пить кофе из фляги, – честно сказала я и решительно отвинтила крышку, – но хуже от этого он не становится. Тина сказала про корзинку сладостей.

– Я смог спасти только шоколадку, – рассмеялся Кристоф. – Гамильтон проворчал что-то о том, что ему нужно устраивать личную жизнь, а потому тарталетки пойдут на строительство новой ячейки общества. Этого я совсем не понял.

– Тарталетки?

– Я хотел позвать вас на пикник, – Кристоф пожал плечами, – и сложил все в одну корзину. Стоило бы подумать, но я не смог.

Рассмеявшись, я приняла предложенную руку:

– Думаю, сладостями нас накормят у Митара. Портал?

– Тиль-таэль заменяет Гамильтону ошейник, – покачал головой Кристоф, – придется идти пешком.

– Ну, погода на улице просто прекрасная.

Мы шли неспешно, самым кружным путем, но дом Митара все равно встал перед нами преступно рано. Я... Я не хотела прерывать наш разговор. Не хотела отпускать его руку. Ничего не хотела, но, к сожалению, желания не всегда имеют значение.

– Доброе утро. – Постучав, мы вошли в дом.

Вот только встретили нас тишина и полумрак. Мы загля-

нули на темную кухню – никого.

– Может, потом зайдем? – осторожно произнесла я.

– Да, – кивнул Кристоф, – видимо, я неправильно...

– Все вы правильно поняли.

Голос Митара застал нас врасплох.

Резко повернувшись, я увидела старого мага и охнула. Он будто постарел сразу на десяток лет.

– Что случилось?! – резко спросила я.

– Помимо отравления – ничего. Тария слегла. – Он, тяжело опираясь на старую трость, прошел на кухню. – Она выбросила из дома все припасы, а после заперлась в спальне. Плачет, никого видеть не хочет. Винит себя во всем.

– Глупости, – рассердилась было я и тут же сникла, представив, что это моими печеньками были бы отравлены друзья. – Ненавижу этого мерзавца. Он разрушает все, к чему прикасается! Кристоф.

Резко повернувшись, я вцепилась пальцами в его куртку.

– Кто-нибудь заводил с тобой разговоры о необходимости присмотра за Окраинами? После смерти моего отца?

– Это обсуждалось, разумеется, – он накрыл мои руки своими, – вы наша защита, Мина. Мы не могли не говорить о вас. Но старый договор не может быть пересмотрен: пока жив хоть кто-то из Фоули-Штотген, иного барона быть не может. Или баронессы.

– А кто-нибудь был этим особенно сильно удивлен? Ведь не каждый же имеет доступ к старым договорам.

Кристоф вздохнул:

– Мне нужно подумать.

– Думай, – это мы с Митаром произнесли хором.

– Пойдемте на кухню, я воду вскипячу, попьем, – добавил старый маг.

– У нас немного кофе есть, на всех хватит, – сказала я.

И только после подумала, что он, вообще-то, не у «нас», а у Кристофа и он, быть может, не хотел делиться.

– Да-да, – рассеянно произнес Кристоф и вытащил фляжку, – держи. Там порядка двух литров. Сам зачаровывал, еще в Академии.

В темной кухне было неуютно. Вместо аппетитных ароматов – тонкий, едва уловимый запах чистящих средств. Вместо веселого огонька, подмигивающего из печи, – боевой пульсар, зажжённый Митаром и подвешенный им же над столом.

– Давящая атмосфера, – поежилась я и полезла в шкаф за чашками.

Через пару мгновений на столе исходили паром чашки с кофе, а на тарелке сиротливо темнела поломанная на маленькие кусочки шоколадка.

Кристоф, тяжело вздохнув, понурился:

– Как-то я не подумал.

– Отнять у Гамильтона то, что он хочет съесть, возможно, – хмыкнула я, – не силой, но мольбой. Отнять у Гамильтона то, что он хочет отнести Ауэтари, – подвиг для непре-

взойденного боевого мага. И то Генерал выйдет из схватки победителем.

– Ауэтари? – переспросил Кристоф.

– Моя песья мать, леди-компаньон моего отца. Очень и очень значимая собака в Песьем Мире, – пояснила я. – Разве ты ее не встретил?

– Я, признаться, был невежлив. Бросил вещи и вернулся к целителям. – Кристоф пожал плечами. – Сложно привыкнуть к тому, что... К тому, как ты лихо рискуешь собой.

– Неразумного риска не было, – сурово возразил Митар. – Если бы не яд... Но этого просчитать не мог никто. Ты подумал?

– В процессе, – хмыкнул Кристоф.

Отпив кофе, он вытащил из внутреннего кармана потрепанный блокнот и короткий, почти сточенный карандаш. Продолжая наслаждаться кофе, он что-то чертил, вспоминал, ворчал и даже пару раз накалякал несколько забавных рожиц.

Мы с Митаром молча наблюдали за этим действием и не рисковали лишний раз вздохнуть: вдруг собьем? Все же, во-первых, времени порядочно прошло. А во-вторых, вряд ли кто-то прямо-таки нарочито себя в бароны выдвигал!

Глава 5

В коридоре что-то зашумело, я вскинула голову и, увидев бледную до зелени Тарию, бросилась к ней.

– Тетушка, – выдохнула я, крепко обнимая ее, – тетушка, ну что же ты. Зачем так себя изводить.

Она же, вцепившись в меня, глухо зарыдала:

– Всю ночь ты снилась мне мертвой. Х-холодной. Мне снилось, как твари рвут тебя на части.

Поглаживая ее по спине, я шептала какие-то успокаивающие бессмыслицы, напоминала о существовании Гамильтона. О том, что при малейшей опасности мы бы с ним рванули в Песий Мир. Где тоже опасно, но сейчас это совершенно лишняя информация!

– Ну-ну, – к нам подошел Митар, – будет тебе. Живы все.

Он бережно обхватил жену за плечи и повел к столу. Поставил перед ней свою чашку с кофе, и в тот же момент Кристоф пододвинул ей вазочку с шоколадом.

– Доброе утро, – мягко улыбнулся бывший Правитель.

Скомканно поздоровавшись, Тария уронила руки на колени. Она не смогла ни кофе отпить, ни шоколадку съесть. И Кристоф, отложив свои записи, бросил на меня до крайности выразительный взгляд.

«А не морила ли она себя голодом все это время?!» – влегкую прочитала я вопрос, таившийся на дне глаз Кристофа.

И через секунду я вдруг обеспокоилась своей психикой. Разве я не должна сейчас, как Тария, рыдать и бояться всего на свете?!

«Это я слишком нормальная и можно гордиться своей стойкостью или со мной уже все плохо и ничего не будет хорошо?!» – этот вопрос меня прямо-таки зацепил.

Особенно учитывая тот факт, что Тария, по-прежнему испуганная, трепетной ланью прижималась к надежному плечу Митара. Митара, который ярился оттого, что в этот раз спасти супругу не получится: страх невозможно убить, лишь усмирить. И Тария явно еще не готова.

– Вы делами занимаетесь, да? – выдохнула вдруг она. – Не буду мешать, пойду.

– Ты никогда не мешала мне, – с горьковатой нежностью произнес Митар.

– Спасибо. – Тария коснулась его щеки губами и все же встала из-за стола. – Я ведь пришла лишь извиниться.

– Перед кем и за что? – нахмурилась я.

– Перед тобой, – ее губы дрогнули, – я ведь...

– И слышать ничего не хочу, – возмутилась я. – Нет в произошедшем твоей вины, тетушка. Ни на вот столечко!

Она притворилась, будто поверила, подошла ко мне, поцеловала и вышла. А я ясно поняла, что Тарию нужно спасать. Этак она себя до какой-нибудь серьезной болезни доведет.

«Надо посоветоваться с Ауэтари. И Тину с Мароном за-

звать. И Кристофа. И... Всех. Надо собрать всех, кто неравнодушен к Тарии», – поняла я.

Да и действовать, скорее всего, придется сообща.

– Что ж, мне удалось вспомнить несколько интересных моментов. – Кристоф потыкал кончиком карандаша в свои записи. – Вот только проверить это все будет трудно: свадьбу уже сыграли, новый Правитель готовится к Первому Указу. Я сейчас не самая желанная персона в столице.

Мы с Митаром, не сговариваясь, тут же посмотрели на исчерканный лист Кристофа. Но вместо четкого списка имен там было месиво из линий, букв и какой-то мелкой нечисти. Причем у нечисти были даже отличительные черты: одна тварюшка была в шляпе, вторая с какой-то ковырялкой, а третья... Третья, кажется, носила юбку.

– Первым, кто озаботился Окраинами, был молодой дворянин. – Кристоф потыкал кончиком карандаша в Шляпника. – Лорд Доваре – окончил Академию с отрицательным отличием.

– Это как? – поразилась я.

– Это когда все экзамены строго за золотую мзду, – усмехнулся Кристоф. – Затем его поддержал герцог Морей.

– Тварь, – с ненавистью выдохнула я.

– Но все они заткнулись, когда на Совет был вынесен древний договор, – закончил Кристоф.

– А что мы знаем про этого лорда Доварэ? – Я с надеждой посмотрела на бывшего Правителя.

Но тот покачал головой:

– Он подал прошение не лично, доступа во дворец у него не было.

– Доваре. До-варе, – глубокомысленно изрек Митар. – Примечательно, что выходцы с острова Цветов носят фамилии с окончанием «-варе».

А ведь корабли с провиантом пошли к острову Цветов.

– Мы сейчас выстроим воздушный замок, – тихо-тихо проговорила я.

Но ведь это так логично... Только Морьям-то это на что? Связаться с тварями, с Окраинами, с черными сборщиками – на это пойдет тот, кто обречен. У кого нет другого выбора. К услугам герцога вся страна, увы. Он богат, знаменит и обладает поистине колоссальными связями!

– Голод должен был убить нас всех, – все-таки проговорила я. – Или ослабить.

– А в итоге он сделал нас сильнее и злее, – усмехнулся Митар. – Мне бы хотелось назначить главным злодеем Морья. Но мы рискуем не заметить истину.

– Я постараюсь узнать что-нибудь о Доваре, – коротко произнес Кристоф.

– Тебя ведь не ждут в столице? – напомнила я.

И досадливо поморщилась, поняв, что хотела бы видеть его здесь.

– Но у меня есть надежные друзья, – улыбнулся он. – Мы еще нужны вам, Митар?

– Подозреваю я, что либо вся наша страна полыхнет, либо к концу года мы вновь будем перезаказывать портреты с изображением Правителя.

– Точно, портреты, – Кристоф лукаво улыбнулся, – кто-то мне обещал подарок.

– Мне совершенно точно нужна баронесса, – весело произнес Митар. – Остальное от ее воли зависит.

Кристоф посмотрел мне в глаза и уверенно произнес:

– Предложение выйти погулять не оскорбит меня.

Доверять или проверять? Доверять или скрывать?

– Сначала расскажи, почему ты выбросил меня, – ровно произнесла я. – А после можно будет определиться с тем, доверяем ли мы друг другу.

– Я доверяю тебе полностью, – прямо сказал он и добавил: – Но хотел оттянуть этот разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.